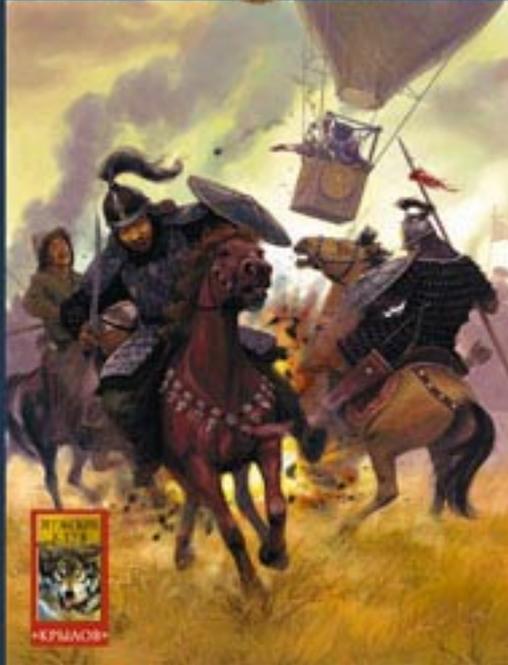


ИСТОРИЧЕСКАЯ АДВЕНЧРА

Валерий Еманов

# Сокол против кречета



**Валерий Елманов**  
**Сокол против кречета**  
Серия «Обреченный век», книга 8

*Текст предоставлен издательством «Крылов»*  
*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=164763](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164763)*  
*Обреченный век. Сокол против кречета: Крылов; СПб; 2008*  
*ISBN 978-5-9717-0652-6*

**Аннотация**

Нет мира на русской земле. Много удалось сделать князю Константину, но против подлости и коварства бессилён и он. Ничем не брезгует Бату-хан в своих попытках уговорить сына-князя пойти против отца-царя.

Есть изменники и среди Мертвых волхвов. Кое-кто, обуреваемый гордыней и жаждой мести, готов всю Русь предать огню и мечу.

И скачут по ее дорогам несметные полчища врагов, подбираясь все ближе к златоглавой Рязани. А далеко в степи, близ реки Яик, уже кружит черное воронье над десятками тысяч защитников своей родины.

# Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	35
Глава 5	49
Глава 6	57
Конец ознакомительного фрагмента.	61

# Валерий Елманов

## Сокол против кречета

*Мне в жизни всегда везло на хороших людей, с которыми во множестве сталкивала меня судьба. Всем им с огромной благодарностью за то, что они мне дали, порою сами того не подозревая, ПОСВЯЩАЕТСЯ.*

*Еще одно, последнее сказанье —  
И летопись окончена моя,  
Исполнен долг, завецанный от бога  
Мне, грешному. Недаром многих лет  
Свидетелем господь меня поставил  
И книжному искусству вразумил...*  
**А. С. Пушкин**

## Пролог

### Далеко-далеко, за Луковыми горами

*Прикрыта дикими кустами,  
На нем пещера есть одна —  
Жилище змей – хладна, темна,  
Как ум, обманутый мечтами,  
Как жизнь, которой цели нет,  
Как недосказанный очами  
Убийцы хитрого привет.*  
**М. Ю. Лермонтов**

Если путешественник последует от благословенных аллахом городов Мавераннагра<sup>1</sup> напрямик через горные хребты Памира, соединяющие Тянь-Шань на севере и Тибет на юге, то он увидит на своем пути загадочное место, расположенное на северо-восточной окраине пустыни Такла-Макан. Это Турфанский оазис.

Обычный путник, изнуренный леденящим горным холодом и слепящим блеском девственных снегов Памира, а затем мучительным зноем, веющим не только с неба, но и от суровых раскаленных камней – единственных обитателей этой жестокой пустыни, навряд ли узнает о ней хоть что-нибудь интересное. Ему не до того.

Перебраться бы побыстрее через эти гиблые места да вступить в пределы великой Срединной империи – вот и все его мечты. Ему нет времени узнать даже название этой страны, которого, впрочем, у нее и не существует.

Китайцы в древности называли ее Сией, то есть Западный край, и концом ее считали Луковые горы – Памир и Алтай. У эллинов она называлась Серина, а местные жители в ответ на такой вопрос только недоуменно пожимали плечами. Они знают лишь название своего города и еще нескольких соседних.

Но это не означает, что они вообще ничего не знают. Жестокие зимние морозы, доходящие до сорока градусов, и еще более изнуряющая летняя жара – изрядная помеха для тех, кто хочет учиться.

---

<sup>1</sup> Мавераннагр – местность между Амударьей и Сырдарьей.

Но для жаждущих знаний здесь зато имеется нечто иное. Ночью крупные, как китайское голубое блюдце, звезды с точно таким же нежным отливом, а днем – ослепительный блеск снежных вершин побуждают людей постоянно размышлять о высоком, хотя и недосяжимом.

Да-а, светловолосые тохары – жители этой диковинной страны, где реки не имеют ни истока, ни устья<sup>2</sup>, где даже озера постоянно меняют свои места<sup>3</sup>, могли бы рассказать путешественнику немало интересного и поучительного.

Например, о том, как в таких тяжелых условиях они ухитряются выращивать самый лучший в мире виноград, дыни, арбузы и абрикосы, как они дважды в году умудряются собирать со своих полей урожай, сколько усилий ими затрачено, чтобы защититься от смертоносных ветров хлопчатник, который сейчас надежно закрыт пирамидальными тополями и шелковичными деревьями.

Оазис в пустыне – само по себе великое и благодатное чудо, а когда он так заботливо ухожен, то чудо превращается в диковинную восточную сказку.

Ну а где сказка, там непременно должны быть не только отважные цари и герои, наподобие Гесера<sup>4</sup>, не только справедливые и грозные далха<sup>5</sup>, обитающие в небе и в горах, но и злые оборотни-мангусы.

Если ты будешь внимательно слушать, то седобородый старик, польщенный таким искренним интересом, расскажет тебе и про многое другое. Например, про местных и чужих дрегпа<sup>6</sup>, про загадочных лу<sup>7</sup>, обитающих у водных источников, про синего кузнеца Бала<sup>8</sup>, который живет совсем недалеко в горах, в своей пещере. Не забудет он и про злых тхеурангов<sup>9</sup>, которые по повелению Пехара<sup>10</sup> время от времени насылают на их благословенные земли то иссушающую засуху, то ледящий душу мороз.

Словом, много чего расскажут местные жители. Но ни один из них никогда, особенно после захода солнца, не упомянет о творце зла Нодджеде, ибо владыка небытия и тьмы не просто суров и не просто несет зло. Он сам и есть это воплощенное зло. Даже яйцо, из которого он вышел, было черного цвета, темнее самой непроглядной ночи.

Безнаказанно помянуть его имя может разве что архаг<sup>11</sup>. Но с тех пор, как города и их окрестности заповили кочевые уйгуры, поклоняющиеся Мани, а также бородатые несториане, иступленно доказывающие, что все боги ложны, кроме одного, распятого на кресте, архаги куда-то исчезли. Может, они и есть, ибо не жить земле без святых людей, но где найти их?

---

<sup>2</sup> Имеется в виду река Тарим, прорезающая пустыню Такла-Макан.

<sup>3</sup> Речь идет об озере Лобнор.

<sup>4</sup> Гесер – герой многочисленных сказаний тибетских народов и уйгур. По одним преданиям, он был сыном горного духа, по другим, монгольским, отождествлялся с богом войны Дайчин-тенгри. Выступал как покровитель воинов, защитник стад, победитель чудовищ (мангусов) и податель счастливой судьбы, в том числе охотничьей удачи.

<sup>5</sup> Далха (боги-хранители) – защищали от врагов и покровительствовали человеку.

<sup>6</sup> Дрегпа (боги Тибета) – делились на шесть групп. В первую входили так называемые чужие, то есть относящиеся к чужим верам, преимущественно из индийского пантеона. Местные дрегпа относились к пятой, так называемой магической группе.

<sup>7</sup> Лу (те, кто ползает по земле и плавает в воде) – божества из разряда дрегпа. Относились к шестой группе – видимых богов.

<sup>8</sup> Синий кузнец Бал – один из наиболее известных дрегпа, бог кузнечного дела.

<sup>9</sup> Тхеуранг – божества в облике одноруких, одноногих и одноглазых существ, которые родились из жира космической черепахи. Олицетворяли собой различные атмосферные явления, вызывая снежные бури, штормы, град и ссоры между людьми.

<sup>10</sup> Пехар – владыка тхеурангов.

<sup>11</sup> Архаг – в ортодоксальном буддизме хинаянского толка (хинаяна – малая переправа или малая колесница) целеустремленный человек, не зависящий ни от божеств милосердия, ни от посторонней помощи, который может по примеру Будды самостоятельно достичь нирваны, состояния абсолютного покоя.

Разве что в Дуньхуане, где молчаливые буддийские монахи денно и нощно сидят в своих пещерных кельях, очищаясь от скверны и отрешаясь от ежедневных забот и суеты этого мира. Но до Дуньхуаня далеко, а тут дом, хозяйство. Ну куда все это оставлять?

Да даже если и найдешь ты этого архага – что толку? «Будь светильником самому себе», скажет монах<sup>12</sup>, и как знать, возможно, что он прав. Только очень уж это тяжело – светить самому себе.

А потому лучше попросту не упоминать ни о Нодджеде, ни о Черном человеке – его слуге, принявшем человеческий облик. С этим страшным слугой лучше не встречаться, и сохрани тебя Гесер от общения с ним....

Увидев этого незнакомца в черных одеждах, солнце мгновенно спряталось за тяжелые фиолетовые тучи. Конечно, можно утверждать всякое, но навряд ли было совпадением то, что едва высокий худой человек с резким злыми морщинами на лице и пронзительным взором свинцово-серых глаз миновал городские ворота, как немедленно полил дождь.

Впрочем, жителям древнего Гаочана, лежащего прямо у подножия Пылающих гор, как здесь называют заснеженные вершины Тянь-Шаня, незнакомец не причинил особого вреда. Он добросовестно уплатил за все, что купил на городском базаре, полновесными золотыми динарами, договорился о проводниках, которые отвезут его вместе со всем добром в горы, а на следующий день уже выехал, держа путь по направлению к Пещерам тысячи Будд, которые местные уйгуры называли Безекликом.

Вот только солнце ни разу не появилось в небе, пока он находился в Гаочане. Вот только торговцы потом так и не нашли, как ни искали, тех золотых динаров, которые вручал им, расплачиваясь за еду, мулов и прочее, незнакомец в черной одежде. Вот только умерла с выражением дикого ужаса на лице услужливая уйгурка, предложившая ему свое смуглое стройное тело, а другую – синеглазую и светловолосую славянку-невольницу, которую человек в черных одеждах купил тут же, в Гаочане, и увез с собой, больше никогда и никто не увидел. Вот только бесследно исчез тот небольшой караван, с которым незнакомец прибыл в Гаочан.

Совпадение? Возможно. Но слухи поползли. Поначалу они были туманными и неясными, но затем, когда с гор вернулся чудом выживший проводник – один из восьми, которые взялись сопровождать его за щедрую плату, кое-что стало ясно.

По его сбивчивым односложным репликам и не договоренным до конца фразам трудно было догадаться о том, что же все-таки произошло в горах. Люди поняли только одно. Даже не добравшись до Пещер тысячи Будд, Черный человек и все его спутники свернули куда-то в сторону и еще один долгий и томительный день блуждали по хаотичному нагромождению скал. Потом, уже в темноте, они остановились близ неприметной мрачной пещеры, надежно укрытой от человеческих глаз.

Проводник был смертельно напуган увиденным, а уцелел лишь потому, что бежал без оглядки, наплевав на остальных, с которыми незнакомец пообещал расплатиться наутро. И расплатился, подарив им безболезненную и быструю смерть, когда скалы, окружающие людей, вдруг зашевелились, угрожающе загрохотали и принялись швыряться огромными неподъемными валунами.

Укрыться в пещере возможности не было – вход в нее попросту исчез. Неприметная тропа, по которой поднимались люди, тоже куда-то пропала. Остался только безудержный гнев и ярость гор, осыпающих людей камнями, да еще черный скалистый базальт, внезапно превращающийся в трясину и смачно всасывающий в себя людей, под ногами которых вдруг распахивались бездонные провалы.

---

<sup>12</sup> Знаменитая фраза буддистов хинаянского толка, поскольку они отрицали бога вообще, ставя на его место нравственный закон кармы (причинной наследственности).

Проводник еще долго убеждал жителей Гаочана, что он рассказал истинную правду. Почему-то ему было очень важно, чтобы ему поверили. А потом, через три дня, он поклялся разыскать проклятую пещеру и черного человека.

Возможно, он действительно ушел бы на поиски, но не успел. Его нашли утром следующего дня, привалившегося к стене дома, где проживал горшечник Нияз. Лицо мертвеца было искажено от страха, а в широко раскрытых глазах застыл ужас перед какой-то запретной тайной, за краешек которой он по глупости заглянул.

Но в его глаза никто не вглядывался. Уж очень не по себе было тем, кто его обнаружил. Да и чего в них всматриваться – все равно в огромных черных зрачках бывшего проводника нельзя было ничего разглядеть, кроме густого мрака всепоглощающей бездны.

Только тогда и стало людям кое-что понятно, но опять-таки не всем, а лишь знающим тайную суть вещей. Таких же – увы – всегда было мало в мире и по пальцам перечесть в торговом Гаочане, жители которого знают толк лишь в умении развлечь заезжих путешественников, чтобы те оставили побольше золотых и серебряных кругляшков в их широких поясах.

К тому же сам Черный человек еще долгое время – не один год – совершенно не беспокоил жителей города. В другой раз он появился, когда те, кто видел безумного проводника сопливыми мальчишками, стали уже совсем взрослыми, обзавелись семьями и точно такими же непоседливыми сорванцами, какими были они сами.

Но странное дело – они-то изменились, а вот незнакомец, который на этот раз был один, без каравана, остался прежним. Все те же острые морщины двумя хищными стрелами отделяли его хрящеватый нос от впалых щек, все так же презрительно были поджаты его тонкие губы, и все так же щедра его рука, которая охотно раздавала золотые динары.

Вот только черных дирхемов, которые ему протягивали торговцы, честно отсчитывая сдачу с многочисленных покупок, он не брал. Наверное, был богат и попросту не нуждался в сдаче.

Именно поэтому его и припомнили. Купцов, побывавших за свою жизнь в гостеприимном Гаочане не два, а десять раз, жители города могли и забыть. Очень уж много людей едут с верблюжьими караванами через этот самый Гаочан, вывозя нежный гладкий шелк и тонкую невесомую фарфоровую посуду голубоватого цвета из пределов Срединной империи в богатые города Италии и Прованса. Не меньше их следует и обратно – европейцам тоже есть что предложить для выгодного торга! Разве тут всех упомнишь?

Но вот человек, который не торгуется из-за каждого черного дирхема, который отказывается принять серебро, а расплачивается исключительно золотом, жителям города запал в память, как удивительно редкостная диковина.

И вновь все повторилось, как и в первый раз. Никто так и не запомнил, куда выехал небольшой караван, который вели три брата, нанятые за баснословные деньги – по десять золотых монет каждому. Братья же так потом никогда и никому не поведали, куда они ездили, потому что больше их никто не видел.

А потом, когда еще одно поколение сопливых мальчишек стало степенными мужами, незнакомец появился в городе в третий раз.

Вот тогда и прояснилось многое, но тоже далеко не все, потому что есть вещи, до сути которых ни один здравомыслящий человек докапываться попросту не станет. Разве что в мыслях. А то чревато, знаете ли.

Да и как тут не поймешь, когда сразу после его очередного появления и исчезновения весь город буквально начало лихорадить. Кроткие мужья чем ни попадя лупили своих жен, жены, будто обезумев от похоти, накидывались на чужих мужчин, дружные соседи начинали между собой злые свары, переходящие в побоища, а уж какая ругань царила на базаре из-за одного-единственного неудачного словца, и описать нельзя.

Через день, от силы два после ухода незнакомца все начинало утихать, а к исходу третьих суток соседи шли мириться, муж покупал жене в знак извинения нарядные бусы, а та, в свою очередь, еще долго вела себя тише воды и ниже травы, хотя каяться в тайных грехах не спешила – авось пронесет.

## Глава 1

### Первый блин комом

*Он и в томах старинных книг  
Отраву находить привык,  
И, в непонятные места  
Все углубляясь неспроста,  
Он в них отыскивал слова  
Для каббалы и ведовства...*

**Вальтер Скотт**

Так случилось, что очередное появление Черного человека совпало с въездом в город небольшого военного отряда монголов. Вел его Бату, второй сын Джучи, который в ту пору возвращался с добычей, награбленной в богатых городах империи Цзинь.

Воинов у него было довольно много, около полутора тысяч, включая раненых и увечных, но остальные в город не заходили, разбив свои юрты недалеко от высоких и толстых каменных стен.

Дело в том, что еще во времена Чингисхана молодой отважный Барчук, правивший Уйгурским индикутством<sup>13</sup>, куда входил и Турфанский оазис, и сам Гаочан, добровольно перешел в подданство к монголам. Впоследствии он столь успешно воевал и так сильно понравился потрясателю вселенной, что тот не только женил его на своей дочери Иль-Алти, но и назвал уйгурского индикута своим пятым сыном<sup>14</sup>.

Выиграли от этого обе стороны. Чингисхан получал дань не только в виде благородного металла, но и людьми. Барчук посылал к монгольскому правителю образованных юношей, которых полководец назначал своими битекчи<sup>15</sup>, а в войске монгольского хана с тех пор появился уйгурский тумен.

Кроме того, к немалой выгоде обеих сторон, оставался нетронутым великий торговый путь<sup>16</sup> – источник экономического благополучия жителей всех уйгурских городов.

Взамен Чингисхан давал своим новым подданным некоторые льготы, в том числе и строгое ограничение числа воинов, которых они обязаны были принять на постой в караван-сараях. Только в случае, если бы через Гаочан следовал сам потрясатель вселенной, это число можно было увеличить, но не более чем вдвое, со ста до двухсот.

Местные уйгурки были ласковыми и покладистыми, а хан – веселым и щедрым, да к тому же еще и молодым. Он не жалел своего семени, а уйгурки – ласк, и все были довольны, включая воинов его отряда и мужей этих уйгурок, которые радостно прятали серебро, получаемое от жен.

Довольны были и остальные местные жители. Ведь монеты в поясах воинов быстро заканчивались, и приходила пора продавать то, что они награбили в Срединной империи.

---

<sup>13</sup> Уйгурское индикутство образовалось в IX в., после того как основатель династии Баку Чин отнял у слабеющего Тибета города Турфан, Бэйтин, Карашар и Бугур. Соответственно индикут – что-то вроде княжеского титула у уйгуров. Образованное Баку Чином государство не было сильным в военном отношении, но сама местность, окруженная со всех сторон Тянь-Шанем, Тибетом и пустыней Такла-Макан, создавала почти непреодолимое препятствие для ведения захватнических войн.

<sup>14</sup> Пятым, потому что это было еще до рождения Кулькана, который появился на свет буквально за несколько лет до смерти Чингисхана.

<sup>15</sup> Битекчи (в переводе с тюркского писарь) – так называлась должность первых чиновников в империи Чингисхана. Кстати, самый первый из них, появившийся после разгрома найманов в 1204 г., по имени Тататунга, был именно из уйгуров.

<sup>16</sup> Имеется в виду Великий шелковый путь, как его стали называть через несколько веков.

Огромные куски нежного шелка, тонкие фарфоровые чашечки и многое другое уходило за бесценнок, оседаая в просторных ларях и сундуках хозяйственных гаочанцев в ожидании достойных покупателей.

Так длилось целых три дня, а утром четвертого в город вошел Черный человек. На этот раз он отсутствовал недолго, всего-то лет десять. Вид его был неизменным – суровое лицо и тяжелый взгляд серо-голубых глаз цвета грязного льда. Как обычно, он и на этот раз напрямик подался на городской базар, но затем двинулся туда, куда обычно не ходил, к ханскому дворцу, расположенному в северной части города, на высокой террасе и отделенному дополнительной стеной от всех прочих жилых кварталов.

Как его пропустили неподкупные и верные нукеры, зорко следящие, чтобы ни одно живое существо не проскользнуло в покои их повелителя Бату, – не скажет никто. Да и они сами тоже. Во всяком случае, трое из них, ибо впоследствии хан обнаружил их уже мертвыми.

От четвертого же добиться чего-либо вразумительного удалось бы разве что архагу, потому что на все вопросы начальника караула он только глупо улыбался, хлопал глазами, в которых не осталось ни капли разума, и обильная слюна стекала у него из приоткрытого рта.

Одним словом, когда Бату проснулся, то увидел человека в черных одеждах, стоящего совсем рядом и внимательно разглядывающего монгольского хана. Осмотр, по всей видимости, человека удовлетворил, и тогда он произнес свою первую фразу:

– Я думаю, что мы с тобой поладим.

– Ты кто? – встревоженно спросил Бату, лихорадочно шаря рукой под подушкой в поисках узкого стилета, который ему подарил один итальянский купец два года назад.

Одна сторона его лезвия была обильно смазана ядом, который действовал безотказно. Эта вещица приходилась весьма кстати, когда хану надо было устранить человека, заподозренного в неверности или лжи. Достаточно просто предложить ему совершить обряд крови, вознеся жертву Вечному Небу и Сульдэ.

При этом свое запястье Бату надрезал той стороной лезвия, на которой яда не было. Когда человек после совершения обряда умирал, ни у кого не оставалось сомнений в том, что он был лжив и таил в себе черные мысли, иначе бы он не умер. Ведь всем известно, как жестоко и беспощадно карает Вечное Небо тех, кто кривит душой.

– Ты ищешь его? – вместо ответа спросил человек в черном, и в его руках, как по мановению волшебной палочки, оказался стилет, уже извлеченный из ножен.

Хан сглотнул слюну и молча кивнул в ответ. Крикнуть нукерам, чтобы убрали наглеца, он почему-то не мог – горло перехватило, что-то невидимое властно сжимало его и не давало вымолвить хоть слово. Бату внезапно ощутил непонятную тяжесть в желудке и колющую боль в груди. Человек неторопливо провел большим пальцем по острому лезвию и удивленно посмотрел на густые, почти черные капли крови, выступившие из образовавшегося пореза.

– Это хороший нож, – похвалил он. – И лезвие у него тоже хорошее. Во всяком случае, острое. Хотя я видывал получше и поострее.

Он присел перед ханом на корточки и дружелюбно, можно сказать, доверчиво, протянул ему стилет.

– Нам надо поговорить, – предложил человек. – Если хочешь, мы можем сделать это здесь, а можем и поехать ко мне.

– Нам не о чем с тобой говорить, – обрел наконец дар речи Бату.

Вновь обретенный стилет придал ему спокойствия и уверенности.

– Я думаю, что нехорошо брать без спроса чужие вещи. Вечное Небо тебя непременно за это покарает, и очень скоро, – проворчал он, бросив взгляд на порезанный палец своего собеседника.

– Но оно же не карает тебя, когда ты без спроса берешь чужие города, насилуешь чужих женщин, а твои воины по твоему повелению отнимают чужие жизни, – удивился человек. – Неужто, терпя все это, оно покарает меня за сущую безделицу, тем более что я не украл твой нож, а вернул его тебе и сделал это добровольно?

– Ты можешь говорить что угодно, – великодушно разрешил хан. – Я позволяю тебе это. Что же до меня, то я беру не чужое, а свое, по праву воина и победителя. – Он немного замялся, но затем нашел еще более весомый аргумент в свою защиту: – К тому же я – любимец Вечного Неба, которое бережет меня для великих дел, – вспомнил он слова своего мудрого наставника Субудая, которые тот не раз говорил ему, многозначительно указывая пальцем на закат солнца.

– Любимец богов и отверженный богами. Это интересно, – задумчиво произнес человек в черном, размышляя о чем-то своем, и криво усмехнулся.

– Что ты там бормочешь? – подозрительно спросил Бату.

– Я говорю, что юный воин-хан и мудрый волхв могут найти общий интерес. Если мы с тобой объединимся, то навряд ли отыщутся силы, которые смогут помешать нам осуществить все, что мы захотим, – ответил тот.

– Твоя речь мутна, как воды Сейхуна<sup>17</sup>, и извилиста, как путь змеи в траве, – заметил хан. – Ты говоришь многое, но не сказал ничего.

– Я поясню, – успокоил его человек в черном.

– Зачем мне тебя слушать? – возразил Бату. – Ты глуп, говоришь о великих свершениях, а сам не знаешь, какой малый срок для оставшейся жизни отвело тебе Вечное Небо.

– Это не так, – спокойно ответил его собеседник. – Я и впрямь не знаю, сколько лет отвела мне судьба, но поверь, что ни завтра, ни послезавтра я не умру. К тому же ты давно не освежал лезвие, и яд уже выдохся. Хотя... на пару человек его еще должно хватить, – произнес он, подумав.

– Я не знаю, откуда ты слышал о яде, но понимаю, что был не прав, назвав тебя глупцом, потому что ты глуп вдвойне, – фыркнул молодой хан. – Если, как ты утверждаешь, его должно хватить еще на пару человек, то тем более хватит для тебя самого.

– Хорошо, – решительно кивнул человек в черном. – Тогда просто послушай меня, и я уйду, как ты говоришь, умирать. У тебя будет время подумать над моими словами, а когда через три дня я приду к тебе – ты дашь мне ответ.

Через полчаса Бату, внимательно все выслушавший, но по-прежнему недоверчиво поглядывающий на своего собеседника, сказал:

– Ты похож на белых шаманов с крестами на груди. Они тоже обещали мне много радостей и счастья, но лишь тогда, когда я умру. – И усмехнулся: – Глупцы. Зачем мне их рай, если там не будет моих воинов и врагов, которых можно убивать?

– Я обещаю тебе все это еще при жизни, – напомнил человек в черном.

– Да, в этом ты поумнее, чем они, – согласился хан. – Право же, мне будет немного жаль, когда ты умрешь. Я люблю послушать занятные сказки.

– Это не сказки, – не согласился его собеседник. – Так будет на самом деле. Я помогу тебе, а ты – мне. Но я не тороплю тебя. Три дня – хороший срок, чтобы сложное превратилось в простое.

– А если больше? – полюбопытствовал Бату.

– Тогда, следуя неизменному закону круговорота, который справедлив применительно ко всему, даже к мыслям и словам, простое вновь начнет превращаться в сложное. Ты можешь запутаться, – быстро ответил человек в черном.

---

<sup>17</sup> Сейхун – Сырдарья.

– Ты уже ухитрился меня запутать, – мрачно сознался юный хан. – Ты играешь со своими словами, как маленькие лисята с мышью, которую приносит им мать. Я доволен тем, что ты уходишь и что я больше никогда не увижу тебя живым.

Но он ошибался. Ровно через три дня юный хан, проснувшись, вновь увидел человека в черном, терпеливо ожидающего его пробуждения. Было не похоже, чтобы он накануне умер, ибо нежить не может кривить губы в насмешливой улыбке. Те, кого похоронили без соблюдения должных обрядов, вообще не могут улыбаться. Они пьют кровь молча, а скалят рот лишь для того, чтобы обнажить свои острые длинные клыки.

К тому же их время – ночь, и самый крохотный луч солнца обязательно причиняет им боль. Но ночь давно прошла, человек в черном стоял на самом свету, льющемся из узкого оконца комнаты, в которой спал Бату, и это не причиняло ему никакого неудобства.

Стараясь не показать своего удивления, юный хан одобрительно заметил:

– Ты сдержал свое слово. Это хорошо. Так поступают настоящие воины. Теперь я готов выслушать тебя внимательнее. Но я не могу договариваться о чем-либо с незнакомцем. В тот раз ты даже не удосужился назвать себя и свой род, если только у шаманов вообще бывают родичи. Как твое имя, играющий словами?

– Какое все это имеет значение? – равнодушно пожал плечами человек в черном. – Рода лишился еще мой отец.

– Если его изгнали из рода, значит, он был плохой человек, – поучительно заметил Бату.

– Он был великим волхвом! – впервые вышел из себя человек в черном. – И не род изгнал его, а он сам ушел, потому что эти глупцы то и дело лезли в его дела и поучали: «Это нельзя делать, ибо оно преждевременно, а так нельзя поступать, ибо оно чревато». На самом деле они просто завидовали его уму, потому что он знал больше, чем все они вместе взятые. Они даже запретили ему читать свитки Первых людей, говоря, что знания, которые содержатся в них, станут опасны в его руках. И тогда он украл сокровенные свитки и ушел в эти края.

– Тот, кто ворует у своих, подлежит смерти, – поучительно заметил Бату. – Так говорит Яса моего великого деда.

– Это было давно, – человек в черном пренебрежительно отмахнулся. – Так давно, что дети, которые впервые увидели его, превратились в седых стариков и умерли. Теперь одряхлели даже их внуки. Он не потратил это время впустую, изучил свитки и узнал, как можно добиться власти над миром.

– Твой отец так же глуп, как и ты, – фыркнул юный хан. – Я и без свитков знаю это очень хорошо. Достаточно победить своих врагов, и все.

– Но ты не знаешь, как их победить, если с тобой будет всего сотня, а против тебя встанут пять или десять туменов, – строго заметил человек в черном.

– На такое не способен никто, – мотнул головой Бату. – Даже мой великий дед, потрясатель вселенной<sup>18</sup>, не смог бы одолеть врага, если бы у него было так мало воинов.

– А ты сможешь, – твердо произнес его собеседник. – Сможешь и это, и еще многое другое, потому что я подскажу тебе, как это сделать.

– Но если все на самом деле так, как ты говоришь, то зачем тебе я, человек без имени? – недоверчиво уточнил Бату.

– Что до моего имени... – Человек в черном ненадолго задумался, уставившись в синюю атласную подушку, валявшуюся у его ног, затем поднял голову и хитро улыбнулся. – Ты, кажется, заметил, что я хорошо играю словами? Думается, очень скоро ты убедишься в том, что я умею играть не только ими одними. Так что называй меня Горесев. Горесев, сын

---

<sup>18</sup> Имя Чингисхана после его смерти стало настолько священным, что даже его дети и внуки перестали его употреблять, копируя мусульман, употребляющих слово «Аллах» преимущественно во время молитв.

Изгоя. Если ты будешь делать все, что я скажу, то мы с тобой посеем много горя. Так много, что я в полной мере оправдаю это имя. Что же до власти над миром, то мне она ни к чему. Но у меня есть долг мести, который оставил мне в наследство отец, и уплатить его я обязан.

– Пока у меня очень мало воинов, – перебил его Бату.

– Для начала хватит и тысячи, которую ты пошлешь туда, куда я тебе скажу. После того как они сделают то, что им повелит хан, Русь окажется совсем беззащитной перед твоими воинами. Тогда и только тогда ты сможешь переломить ей хребет, – заверил его Горесев.

– А мне хватит воинов, чтобы одолеть другие страны? – жадно загорелись глаза хана.

– Конечно. Если серый кречет<sup>19</sup> победит белого сокола<sup>20</sup> русичей, то что ему десять глухих болтливых сорок!

– Что ж, я согласен, – важно кивнул Бату. – Говори, что нужно сделать.

– Есть на Руси озеро, именуемое Пळेцево. А возле него лежит большой камень. Он не простой. Это оберег всей Руси. Он – ее сердце. Пока оно цело, можно победить их воинов, сжечь их города, сровнять с землей их капища, вывезти все золото и серебро, но Русь рано или поздно воспрянет из пепла и поднимется на ноги, ибо сердце все равно будет продолжать биться в ее груди. И тогда первым, кому придется плохо, будет сам завоеватель, а если он не доживет до этого страшного часа, то удар придется по его сыновьям, внукам или правнукам. Поэтому нужно в первую очередь уничтожить ее оберег. Я помогу твоим людям пробраться незамеченными. Мне легко это сделать. Главное, чтобы твои воины не проходили рядом со святыми местами. Возле них морок, что я наведу, пропадет.

– Я знаю, – перебил его Бату. – Ты говоришь о тех больших каменных юртах, в которых молятся их шаманы в таких же черных одеждах, как у тебя.

– Нет, – отрезал Горесев. – Их новых капищ с крестами можно не опасаться, не считая тех, которые построены на старых заповедных местах, но таких не так уж много. Я же говорю про другие места, где русичи молились своим богам не сотни, а тысячи лет. На всем пути твоей тысяче, если люди не отклонятся от дороги, встретится только одно из них, да и то далеко в стороне. Слушай дальше. Слушай и внимай...

Вот тогда-то и появился в Диком поле невесть откуда тысячный монгольский отряд. Почему-то никто не обращал на него внимания, и он преспокойно миновал бы рязанские земли и так же незаметно переправился бы через Оку, скрывшись в дремучих муромских лесах, если бы командир отряда не решил свернуть немного в сторону.

Он не был жадным. Но одно дело – миновать маленькие городки, где нечего взять, кроме нескольких серебряных монет и пленных, которых за собой все равно не потащишь. Тут соблазн невелик, и одолеть его легко. Совсем другое дело – столица всея Руси. Тут монет должно оказаться столько, что можно уплатить калым за сотню степных красавиц, какую бы высокую цену ни назначали их жадные отцы.

Тысяцкий Тудкан не нуждался в сотне жен, ему вполне хватило бы и одной, но старик Мугэду – слыханное ли дело – требовал за нее тысячный конский табун. Как удалось узнать Тудкану, эту цену отец его ясноглазой звездочки заломил для того, чтобы слух разнесся по всей степи. Люди будут интересоваться, что же за красавица выросла у него, если он требует так много. Донесется и до ушей хана, а там как знать...

Тудкан славно сражался под началом юного хана Бату. Как подобает хорошему воину, он не начинал грабить врагов, пока сражение не закончилось, но он и не был брезглив в поисках добычи. Даже пленных, подлежащих смерти, он не просто убивал, а усердно вспарывал

<sup>19</sup> Серый кречет, держащий в когтях черного ворона, был изображен на знамени Чингисхана. Выбор птицы не случаен. По преданию, кречет был покровителем всего рода Чингисхана, так как его бедный предок Бадуенчар жил исключительно благодаря охоте своего прирученного кречета (прим. В. Яна).

<sup>20</sup> Сокол русичей – на гербе Рюрика и всех его потомков был изображен сокол.

каждому из них живот, старательно копаясь во внутренностях и разыскивая драгоценности, которые те могли проглотить, в надежде сохранить их от злобного степняка.

Усердие не прошло даром. Всего через два года он вернулся в свой улус почти богачом, который в состоянии купить целый табун в сотню голов. Но сотня – не тысяча, а только ее десятая часть. Получалось, что молодому сотнику нужно столь же старательно воевать еще двадцать лет, чтобы получить возможность жениться на своей избраннице.

А тут прямо в руки свалилась такая удача, причем дважды подряд. Первый раз она улыбнулась, когда хан Бату повелел именно ему, Тудкану, возглавить тысячу. И не просто возглавить, а дал ему поручение, за выполнение которого обещал не оставить своей милостью.

Второй же, когда рязанские смерды, схваченные на пути следования его тысячи, в числе всего прочего рассказали, что они направляются в Рязань на строительство городских стен, которые до сих пор толком не возведены.

«Хан, скорее всего, сдержит свое слово, но щедрость бывает разная, – рассуждал Тудкан. – Вдруг он сочтет, что табун в сотню голов – достаточная плата за то, что я выполнил все как надо. Тогда у меня будет две сотни, а мне нужна тысяча. Если же я возьму этот беззащитный город, в котором каан русичей хранит свою казну, тогда мне хватит добра и на тысячный табун, и на покупку украшений, и на то, чтобы за мою звездочку трудились рабыни, а она только повелевала, сохраняя нежность своих ручек для страстных ласк своего любимого мужа».

И тогда Тудкан самовольно изменил путь, указанный Горесевом.

Изменил и... погиб.

Во второй раз хан Бату, так и не дождавшийся возвращения своих воинов, вынужден был сам ехать к старому шаману. Цепкая память не подвела воина, и он вспомнил узкую дорожку в хаотичном нагромождении скал, по которой первый раз вел его в свою пещеру Горесев.

Правда, не обошлось без жертв. Скала, рухнувшая на тропу, одним разом унесла в пропасть или просто расплющила всех, кто сопровождал молодого хана. Это изрядно остудило пыл Бату, но желание рассчитаться за гибель отважной тысячи храбрецов пересилило, и он по-прежнему храбро шел вперед.

Однако все вышло не так, как он предполагал. Не Бату, хан Большой орды, получивший после смерти отца и отказа своего старшего брата Орду-Ичена, толстого добродушного увальня, старшинство над всем огромным улусом Джучи, обвинял и наседали на старого шамана.

Получилось как раз наоборот. Это Горесев с первых же минут напустился на Бату, на чем свет костеря его людей за их жадность и корыстолюбие. Хану оставалось лишь оправдываться, виновато жмуря свои узкие глаза, цвет которых так сильно напоминал дедовские.

«Словно в них плещется расплавленное золото», – как-то мечтательно сказала о них одна гао-чанская уйгурка. У Бату тогда не было денег, но ему так понравилось сказанное, что он, не долго думая, отрезал от своего нарядного чапана две пуговицы, сделанных из бирюзы, и подарил ей.

А еще его глаза напоминали по цвету тигриные. Вот только Бату никогда еще не видел, чтобы тигры виновато их жмурили, как сейчас он сам.

Жмурил и даже не помышлял сделать то, ради чего он сюда пришел. А привело его лишь острое желание выхватить из ножен дорожную бухарскую саблю, подарок дяди Тули, мир его праху, и хлестануть ею наотмашь, с такой силой, чтобы брызжащая слюной ненавистная голова немедленно умолкла и вообще, слетев с узких костлявых плеч, укатилась бы в угол пещеры. Желательно, самый дальний, в который не проникает этот тревожный

тускло-красный свет, льющийся непонятно откуда. Тогда он сможет не только не слышать проклятия, слетаемые с ее губ, но даже не видеть ее саму, что вдвойне приятно.

Впрочем, после того как гнев Горесева спал и он заговорил нормальным голосом, Бату вновь ободрился. Оказывается, ничего еще не потеряно, хотя и надолго откладывается – аж на целых пять лет.

Если хан придет к нему через это время, то как знать, как знать. Горесев до конца не уверен, но, скорее всего, у них появится еще одна возможность. Повторная. А пока Бату предстоит заручиться поддержкой своего царствующего дяди Угедея, дабы тот, после того как добьет империю Цзинь, помог ему с войском.

А чтобы взор великого каана не привлекла иная, более заманчивая цель, например багдадский халиф и его неисчислимы сокровища, которыми он, по слухам, владеет, вот порошок. Надо только умело подсыпать его время от времени в еду или питье, которые поставят на стол Угедея, и все будет в порядке.

– Если бы ты не ненавидел Русь так же, как я ее волхвов, которых сами русичи называют Мертвыми, то ты вряд ли ушел от меня живым, – строго произнес в заключение Горесев и зловеще добавил: – Но помни, что следующая попытка будет последней. Это просто чудо, что звезды вновь собираются встать в нужный нам круг всего через пять лет. Обычно ждать этого приходится шесть или семь дюжин лет, а то и дольше. Тебе до этого уже не дожить.

– А тебе? – ревниво уточнил Бату.

– Мое счастье, если Мертвые волхвы не поняли, откуда что взялось, – медленно произнес Горесев. – Но даже если и так, то в другой раз они это непременно поймут, и я не думаю, что мне удастся надолго затаиться в этой пещере.

– А я слышал, что их шаманы советуют не противиться и подставить правую щеку, если их ударят по левой, – хихикнул Бату. – Очень удобная вера... для врагов. Лишь бы у моих воинов не устали руки.

– Глупец! – вспыхнул Горесев. – Когда ты наконец поймешь, что нынешние шаманы русичей тут ни при чем?! И их распятый Христос, возмнивший в своей гордыне, будто он сможет унести на плечах все грехи людей и одной его жертвы достаточно для их искупления, тоже не бог русичей. Он – всеобщий, то есть ничей. Русь же хранят совершенно иные древние силы, гораздо более могущественные, – он перевел дыхание, слегка успокоился и продолжил: – Словом, так. На сей раз ты не просто повторить попытку прорваться к камню. Помимо этого ты соберешь всех воинов, которых Угедей вручит тебе, и поведешь их на Русь. Только запомни, что их должно быть не меньше десяти туменов.

– Так много?! – широко раскрылись от изумления глаза Бату.

– Это самое малое, – поправил его Горесев. – Даже я, живя в этих горах, знаю, что все княжества Руси ныне объединились. А когда растопыренные пальцы русичей сжимаются в один кулак, поверь, что тут может не хватить и десяти туменов. Какими путями их повести – я тебе скажу потом, ближе к нужному времени.

– Ты хочешь навести морок, чтобы они могли беспрепятственно пройти в глубь Руси, – догадался Бату и радостно улыбнулся, хищно обнажив острые белые зубы.

– Я не бог, а только волхв, хотя и самый великий из ныне живущих, – поправил его Горесев. – Даже моих больших сил едва хватит на то, чтобы сделать невидимыми, ну, или почти невидимыми для врага от силы две тысячи воинов. Да и это потребует всего меня без остатка. Так что твои тумены пойдут открыто. Но я подскажу тебе, как правильно жертвовать слона, чтобы сделать шах и мат королю.

– Э-э-э, – непонимающе уставился на него Бату.

– Да, – вздохнул Горесев. – С этой индийской игрой ты явно не знаком. Но ничего, я научу тебя, как правильно в нее играть. Только игра будет происходить не на доске, а в жизни. Так даже интереснее. Мы с тобой сразимся за черных, но сделаем свой ход первыми.

А тех, что погибли, – не желей. Они были дрянными воинами, которые ослушались своего хана, так что их кровь лежит на них самих. К тому же когда игра только начинается, то потеря одной маленькой фигурки значения не имеет. А теперь иди, и да помогут нам, – он слегка замешкался, искоса посмотрел на Бату и, решив не пугать его лишней раз, изменил то, что хотел произнести вначале: – Да помогут нам наши силы.

## Глава 2

### Горечь бессонной ночи

*Есть, сын, загадка века —  
За что считают сладкой власть?  
И только мудрость человека  
Поможет в горести не впасть,  
Едва ее лишится он.  
На самом деле горя стон  
Сменить на радость бы ему...*

**Петр Миленин**

Успех любой войны, во всяком случае для обороняющейся стороны, во все времена во многом зависел от успешной, а главное, быстрой мобилизации. Если вождь племени сумел заблаговременно собрать своих людей, значит, он сумеет и дать отпор посягающему на его земли. Не удалось это сделать – пиши пропало. Так было, так есть, и так будет. Вячеслав хорошо это понимал и делал все необходимое для того, чтобы каждый знал, куда он должен явиться, если его позовут.

Однако мало собрать людей, дать им хороший меч в одну руку, а щит – в другую. Недостаточно вручить им луки, копья и арбалеты, а на самих напялить добротные кольчуги. Все равно это будут люди, для битвы же нужны – воины. Вячеслав знал и это. Потому дважды в году, месяц-полтора летом и три – зимой, он гонял бестолковых ополченцев в хвост и в гриву, делая из беспомощного стада, которое можно разогнать одними плетями, несокрушимый пеший строй.

Однако нападение зачастую бывает внезапным, ибо неожиданность – половина успеха. Значит, надо заводить разведку. И не только тактическую, которая видит лишь очевидное, поверхностное. Ее мало. Нужна еще и глубинная, стратегическая, в которой должны быть задействованы не простые наблюдатели, а настоящие аналитики. Они должны сидеть в каждой стране, застыв, подобно пауку, почти в неподвижности, ибо их главная задача состоит не в том, чтобы выискивать факты, но думать над ними, увязывать разрозненные события в единое целое и делать выводы.

Но не бывает паука без хитросплетенной паутины, без сигнальной нити. Значит, в распоряжении каждого аналитика должна иметься своя резидентура, включая все ту же сигнальную нить, то есть курсирующие туда-сюда гонцы с сообщениями. Обычными – по обычным, неторопливым каналам, важными – по особым, чтоб летели сломя голову, загоняя коней и задыхаясь от усталости.

Всех этих мудреных слов и терминов – резидентура, аналитики, стратегия и прочее – ни Любомир, ни Николка Торопыга и слыхом не слыхивали. Да оно им и ни к чему. Зато они хорошо понимали, что от них требуют государь Константин и его верховный воевода, и трудились на совесть.

Помогал им и Евпатий Коловрат, в чьем ведении находились все посольские дела, а ведь каждый посол – это тоже шпион, только на легальном положении, то есть под своей личиной. Так было, есть и будет.

А если все-таки врагу удалось осуществить тайную подготовку к войне и напасть неожиданно? Не держать же все войска круглый год вблизи своих рубежей. Уж больно оно накладно, знаете ли. Только на их прокорм уйдет столько, что за год-два рухнет любая держава, потому что опустеет казна и взвоят кормильцы этого самого войска, у которых при-

дется отобрать последний кусок хлеба. Ситуация, когда один с сошкой, а семеро с ложкой, чревата весьма серьезными, а зачастую и трагическими последствиями.

Значит, нужны войска для охраны рубежей. Об их необходимости и важности воеводе Вячеславу говорить не надо. Когда-то давным-давно, хотя и в будущем, как это ни парадоксально звучит, юного Славу Дыкина призвали в ряды пограничных войск, и всю срочную службу он имел возможность любоваться высокими снеговыми шапками гор на аджарско-турецкой границе<sup>21</sup>.

Так что о контрольно-следовой полосе и о прочих премудростях этого нелегкого дела он знал не понаслышке и организацией пограничной службы несколько лет занимался лично, не доверяя этого дела никому. Лишь когда все наладил, тогда только и угомонился, посчитав возможным довериться другим людям.

Толковых помощников у него хватало. Были они и на побережье Балтики, и на западных рубежах, и на южных – на Кавказе и в Крыму. На восточных же, наиболее важных, у него в подручных ходили не кто-нибудь, а князья, а то и царские сыновья. Вначале Святослав, а затем Святозар – тоже царский сын, хотя и внебрачный.

После трагической гибели его матери Купавы<sup>22</sup> Константин позаботился о том, чтобы малыш получил не только достойное содержание, но и хорошее воспитание. Приставленные к нему учителя научили его и чтению, и цифири, и многому другому, включая ратное дело, которое Святозару было особенно по душе. Малец жил, рос и вскоре превратился в симпатичного крепкого юношу.

К этому времени он уже прекрасно знал, что из огромного отцовского наследства ему ровным счетом ничего не светит – все перейдет его старшему брату Святославу. Конечно, поначалу, когда он только-только до конца осознал это, ему стало немного обидно. Почему одному все, а другому – ничего, ведь отец-то один? Почему даже сейчас Святослав – царевич, а он как был, так и остался княжичем? Почему Святослав пребывает в стольной Рязани, а его, Святозара, сунули в какой-то Углич, о котором на Руси не все и слышали? Селище – не селище, но и на город он не больно-то походил, разве что стенами – воробей перескочит, да сторожевыми башнями – дите плечом подопрет, они и рухнут. Он что, рожей не вышел?

Хорошо, что всю эту боль и негодование он не таил в себе, а как-то в сердцах выплеснул отцу, приехавшему в Углич. Тот задумался, вздохнул и предложил поговорить обо всем вечером, чтобы никто их не мог прервать. Беседа их затянулась до самого утра. Напоминала она учебный поединок на деревянных мечях, когда неопытный воин пытается пробить глухую оборону мастера, а тот спокойно и даже насколько лениво отражает неумелые наскоки. Сын наседал, а отец спокойно отмахивался. До поры до времени.

Однако за полночь ситуация изменилась. Мастер так же спокойно произнес: «А теперь смотри, почему ты не прав» – и сам перешел в атаку.

О многом переговорили в ту ночь Константин со Святозаром.

И о том, что Русь – не кусок полотна. Если ее порезать на куски, то никто себе ничего путного не сошьет.

И о том, что власть – не краюха хлеба, а скорее бычий пузырь. Сделаешь маленькую дырочку, и он вмиг сдуется.

И о том, что в первую очередь власть – не право творить все, что вздумается, а обязанность думать, разумно ли, верно ли я поступаю, сделал так-то, а не эдак, ибо за каждым твоим решением, за каждым указом – людские судьбы.

По отцовским словам, выходило, что не его, Святозара, обделили, а – Святослава, взвалив на плечи старшего сына часть государева груза, который ох как тяжел для него.

---

<sup>21</sup> О том, как он попал из XX века в XIII, подробнее см. «Княжья доля».

<sup>22</sup> Об этом подробнее см. «Око Марены».

– Ему даже жениться по любви не дозволено! – бушевал разошедшийся Константин. – Я ему невесту подыскивал, я ему и повелел с ней под венец идти. И его счастье, что она хоть более-менее смазливой уродилась, потому как даже если бы и страхолудина была, то Святославу все равно пришлось бы с ней обвенчаться, ибо то – не моя причуда, но так для Руси надобно! А теперь сам раскинь умишком, каково с нелюбимой всю жизнь жить?!

– Старики говорят, стерпится—слюбится, – неуверенно предположил Святозар. Но разве может неумеха отбить удар мастера, который точно знает, куда бить, а главное – как.

– Это лишь несчастливые в утешение себе так говорят, а дураки за ними повторяют. И в другой раз, после ее смерти, когда я его сызнова женил, считай, опять вслепую невесту брал. А куда деваться, если надо именно из этого рода выбирать, а там всего одна девица и была? Думаешь, он хотел этого? Шарахался, как черт от ладана. А я настоял, да что там, – махнул рукой Константин. – Считай, что примучил. И чудо, что ему и на сей раз не кикимора, а пригожая женка досталась. Вот такую вот тяжкую дань ему уже сейчас платить приходится. У тебя же – воля вольная... Конечно, дочери смердов все равно отпадают, не по чину они тебе, но в остальном... Хочешь, с Угорцины невесту бери, пожелаешь – из ясов или касогов, а у ляшских князей какие девки поспевают – чудо! Так что кто кому должен завидовать, сын?

– А я думал, ты из-за того, что с моей матерью не венчан был, да еще потому, что она – из холопок, – задумчиво произнес Святозар и прямо-таки впился глазами в лицо отца – что скажет?

– Так вот что тебя мучило, – медленно протянул Константин и строго произнес: – Глупость все это. – И повторил чуть не по складам: – Несусветная глупость, и не более того. Впредь о том не смей и помышлять, ибо я твою мать любил, как... – Он запнулся, но затем твердо отрезал: – Как свою жену, княгиню Феклу, никогда не любил. Но наследник у государя должен быть только один. У меня уже сыновей не будет, но, думаешь, второму или третьему из сыновей Святослава что-либо достанется? – И отрезал: – Нет. Паки и паки повторюсь – нет и еще раз нет. Их, как и тебя, даже царевичами величать никто не станет, ибо не по чину, потому что царевич – это наследник титула, а он звучит – государь всея Руси. Ты вслушайся токмо – *всея*, то бишь один на всю Русь. И будут они точно так же, как и ты, ходить в княжичах, хотя мать их со Святославом венчана по всем правилам. Я тебе больше скажу. Если ума у них будет немного, то они и твоих высот нипочем не достигнут. Уразумел?

– Уразумел, – кивнул Святозар. – А ежели умрет царевич? Тогда как?

– Тогда им, скорее всего, нарекут следующего по старшинству княжича, – пожал плечами Константин. – Но тут уже царь вправе решать.

– Выходит, я у тебя как бы про запас, – не унимался Святозар.

– Ничего не выходит, – отмахнулся Константин. – Или сам не ведаешь – у Святослава уже трое. К тому же старший, Николай, немногим младше тебя. Да и Вячеслав с Михаилом от дочки Ивана Асеня тоже крепенькими мальцами растут. Опять же невестка моя снова на сносях, и знающие бабки шепчут, что и на сей раз сына родит. – Он подозрительно покосился на Святозара и спросил: – А ты это к чему спрашиваешь?

– Да я так. К слову пришлось, – замялся княжич.

– Ты это *«так»* из головы-то выбрось, – посоветовал Константин и угрожающе пообещал: – А если я дознаюсь, что оно тебе не само туда залетело, а неведомые доброхоты постарались, то вот тебе крест – ноги им велю повыдергивать и собакам скормить.

– Нет! – вскричал княжич. – Я сам! Подумалось мне как-то, вот и все.

– Ну-ну, – засопел Константин. – Только ты запомни накрепко. От этого *«так»* вся Русь кровавым огнем займется и горючими слезами зальется. Да и тебе самому в этом огне уцелеть не удастся. А главное, ради чего? Гордыню потешить? А ты лучше про груз подумай, о котором мы с тобой говорили. Тяжела корона, сынок. Царский венец много дает, но еще больше спрашивает. Тебе о другом помышлять надо – как своему брату верной опорой стать,

как подсобить ему и хоть часть ноши принять на себя. Тогда и только тогда тебе честь и хвала будет, и славу о тебе мои монахи-летописцы в века понесут, всем прочим в назиданье, уж ты мне поверь.

– Верю, – твердо заявил Святозар.

– Ну то-то, – облегченно вздохнул Константин, ощутив, что ответ сына не натужен, а идет от сердца.

Да и хотелось ему верить в лучшее, потому что иное грозило обернуться даже не проблемой – бедой. В такое время для полного счастья Руси только междоусобицы не хватает.

Словом, ночь выдалась бессонной. Хорошо, что под рукой были кубки с крепким кофе, который купцы в изобилии привозили Константину из далекого Йемена, а у посольства, вернувшегося оттуда год назад, одна ладья и вовсе была доверху нагружена мешками с зелеными зёрнами. Очень уж лестно было наместнику великих Айюбидов Умару ибн Али ибн Расулу, который буквально год назад объявил себя независимым султаном, что столь могущественный правитель, как Константин, признал его в этом новом качестве.

То, что наместник принял новое имя, назвав себя ал-Мансуром Нурад-дином, ничего не значило. Трон под ним пока еще оставался весьма шатким и неустойчивым, а потому это признание стало для него очень важным.

К тому же ал-Мансур знал, что если его признал Константин, то непременно признает и Византия. А учитывая, что она сейчас поддерживает прочный мир с Египтом и Сирией, где сидят Айюбиды<sup>23</sup>, можно надеяться, что и они примирятся с тем, что в Йемене больше не хозяева. Да за такое не только мешков с зёрнами – за такое можно вообще вырубить и подарить все кофейные деревья.

А уже на Рязани человек, особо приставленный к этому делу, день-деньской трудился, обжаривая их так, как требовал царь, так что запас зёрен у Константина был немалый. И горечь правды, открывшейся в ту ночь Святозару, у княжича навсегда смешалась с горечью странного напитка, впервые отведанного за компанию с отцом.

Когда Святозар уезжал на восточные рубежи, он испросил у отца небольшой мешочек. Только Константин подумал, что напиток ему понравился, а на самом деле причина была иной. Вкус кофе пробуждал воспоминания о беспощадных, суровых словах государя всея Руси, сказанных в ту ночь.

Чего уж там перед самим собой таиться. Были у него сомнения в отцовской любви, которую он с малых лет мечтал заслужить, чтобы понял государь-батюшка, что второй его сын ничуть не хуже, чем первый, а кое в чем и лучше, причем намного.

Да и доброхоты, о которых Святозар умолчал, не желая никого подводить, тоже немало потрудились, напевая княжичу, какой он хороший да какой пригожий, и вообще умница, весь в царя-батюшку. Не то что этот богомольный Святослав. Правда, после той ночи они живо заткнулись. Хватило всего одного раза.

– Отныне и впредь, – прошипел он перепуганному наставнику. – Чтобы ты и думать не смел сравнивать меня со Святославом! Он – царевич и наследник, а я – княжич, и мне с ним равняться не по чину. А ежели еще раз заикнешься, я все твои словеса поганые отцу перескажу. Он меня, кстати, уже спрашивал кое о чем, да я промолчал покамест, – и злорадно отметил, как тот испуганно отшатнулся.

И все. С тех пор как отрезало. Сам же Святозар, трезво рассудив, что лучше всего помочь отцу и брату он сможет на ратном поле, попросился подальше от столицы, на восточные рубежи.

---

<sup>23</sup> Айюбиды – династия, происходящая из курдского племени хазбани, которые начинали со службы сельджукским правителям Алеппо и Мосула, а затем султанам Египта из династии Фатимидов. В 1171 г. Салах ад-дин (Саладин в европейском произношении) произвел переворот и был признан багдадским халифом в качестве нового султана Египта, а позднее Сирии и всего Ближнего Востока, включая Йемен.

Поначалу в его ведении была лишь сотня. Для молодого воина – честь немалая, для княжича же... Ладно, он и тут чиниться не стал, вовремя вспомнив, что брат Святослав и вовсе в рядовичах ходил, хотя и недолго.

А если уж забредали в голову сумрачные мысли, то он гнал их прочь: «Тебе и сызмальства никто ничего не обещал, так чего уж тут. Все честно было».

Прогнав же, пил горький кофе, благо государь снабжал им бесперебойно, и, небрежно накинув на плечи синее корзно, выводил из крепости своих воев, готовых идти за удачным командиром хоть на край света. В упоении схваток горечь стихала, уступая место азарту.

Уже через год его перестали именовать княжичем – только князем, и непременно с «вичем» – Святозаром Константиновичем.

Еще через год ему доверили одну из крепостей. Названная царем Константином Орском, она стояла на самой окраине державы, там, где Яик в своем течении делал крутой поворот с юга на запад, так что возможности отличиться у него были не раз.

Сшибки с монгольскими отрядами происходили все чаще и все злее. Поначалу пленные тихонько бормотали, виновато разводя руками, что якобы случайно забрели за Яик, а кто перед ними – не разглядели. Солнце им, видишь ли, глаза застило, а если зимой – то снег запоросил.

Но это когда Святозар еще был сотником. Потом, уже в бытность его главой Орска, они уже не винулись, а только злобно прищуривали свои и без того узкие глаза-щелочки, а когда их уводили вешать, что-то угрожающе кричали на своем непонятном гортанном языке.

Впрочем, со Святозаром монголы предпочитали не связываться. Из-за цвета корзна они довольно скоро прозвали его Синяя смерть и, еще издали завидев плащ князя, уходили прочь, всячески стараясь избежать встреч с его отрядом, да и вообще не переходить рубежи, которые он охранял.

Одно время им это удавалось, но еще через год князь Святозар стал появляться не только в пределах этих границ, но и намного дальше. Причина же тому была проста. В одной из стычек отравленная монгольская стрела угодила в командовавшего всей пограничной стражей восточных рубежей князя Всеволода, кстати, тоже Константиновича, только из Переяславля-Южного.

Сам Всеволод в горячке боя не обратил на нее внимания, тем более что угодила она в мякоть левой руки и рубить нехристей не мешала. Поэтому он ее брезгливо выдернул, выбросил прочь да и позабыл. Вспомнил лишь вечером на привале, да и то потому, что рана разболелась не на шутку. Пока судили да рядили, пока везли к ученым лекарям, ему стало совсем плохо. Еще в двадцати верстах от Оренбурга он потерял сознание, а к исходу дня скончался.

Так другой Константинович оказался на его месте, в штаб-квартире всего восточного порубежья, расположенной в Оренбурге. Это уже был чин, с которым не мог сравниться ни один тысяцкий, считавшийся командиром полка и все чаще и чаще с легкой руки верховного воеводы Вячеслава именуемый полковником.

У Святозара все было гораздо круче. Только в шести порубежных крепостях сидели три тысячи воинов. Добавь к этому шесть сотен ратников из речной флотилии, и, как ни крути, даже по самым строгим меркам двадцатого века – получается корпус, а что уж там говорить про тринадцатый. Не каждый король – взять, к примеру, тех же ляхов – мог похвастаться, что имеет под рукой такую силу, причем готовую в бой с врагом в любое время дня и ночи.

О том же сказал во время небольшой пирушки по поводу его назначения и верховный воевода Вячеслав Михайлович, поправив кого-то из гостей, назвавшего Святозара тысяцким:

– Тут чин повыше получается. У древних римлян, про коих ты читал, князь, слово «генералис» означало главный. А так как ты, Святозар Константинович, становишься глав-

ным на всем восточном порубежье, то выходит, что ты и есть генералис, или же, если попроще, то генерал. – А когда уже уезжал, добавил:

– Если по уму брать, то тебя бы в помощниках с годик продержат надо было, чтоб пообвыкся. Только лучше тебя мы замену князю Всеволоду так и не сыскали. Людишек близ него толкалось много, а толку с них – как с козла молока. – И добавил вовсе уж непонятное: – Вот и пришлось тебя под танки совать.

Куда совать, Святозар так и не понял, хотя по тону верховного воеводы догадался, что место это под неведомыми танками не очень-то приятное. Переспросить же не решился, да и торопился Вячеслав Михайлович. К тому же для Святозара гораздо важнее было иное – доверие. О нем и сам воевода сказал. Мол, и он, и государь Константин Владимирович верят, что князь, несмотря на молодость, управится как должно.

Осваивать хлопотное хозяйство князь принялся уже на следующий день и чуть ли не сразу столкнулся с тем, о чем его предупреждал воевода, – толковых помощников практически не было.

Нет, что касается обеспечения, тут все работало как по маслу. Каждая крепость исправно снабжалась всем необходимым. Вошва, ведавший тыловым хозяйством, свой хлеб ел не даром.

Он не только с гордостью носил, не снимая даже в знойный летний день, зеленую шапку и красивый серебряный знак, наглядно подтверждающий, что его владелец окончил Рязанский университет, но и на деле доказывал, что знания, полученные в нем, пошли ему впрок. Были налажены и четкие пути подвоза всего необходимого через перевалочную базу-крепость на речке Самаре и далее по ней чуть ли не до самого Оренбурга, установлены четкие сроки доставки и все прочее.

Но вот на остальных людей, из коих чуть ли не половина точно так же, как и Святозар, гордо величала себя князьями, положиться было нельзя.

Нет, никто из них не был трусом. Но личная храбрость в бою, как успел понять Святозар, это одно, а умение командовать людьми, принимать разумные решения, быть строгим и в то же время справедливым – это совсем иное. Кое-кому из них Святозар и сотни бы не доверил, потому как развалят они ее. Да что сотня, когда и десяток жалко.

А тут, как назло, участились стычки, возросли потери не только среди простых ратников, но и сотников и даже воевод, которых нужно было срочно заменять, а кем – вопрос.

Отказавшись от мысли поставить на их место кого-нибудь из тутошних помощников – завалят все дело, ей-ей завалят, – он вспомнил про своих, орских. Ну, то есть не совсем уже своих, можно сказать – бывших, но тем не менее. С ними он не раз и в бой ходил, да и внутри крепости расставался разве что глубоким вечером, перед тем как уйти в ложницу.

Из их числа и поставил двоих на места погибших, причем один из них, бывший сотник Олекса, уже не раз заменял самого Святозара. Посчитав, что он управится и с другой крепостью, молодой генерал решительно перебрал его в Яик. В Горном Яике же, самой верхней из шести крепостей, он поставил другого сотника со смешным прозвищем Пospelко, а в Орск назначил еще одного – Шолоха.

Все трое должны были справиться с делом. Во всяком случае, Святозар на это надеялся, да и доверял он им гораздо больше, нежели своим помощникам. Обращаться же к отцу, чтобы вовсе их сместить, он не решился. Было у него опасение, что государь может не совсем правильно его понять. Ведь почти все они были ставленниками Святослава, который одно время сам ходил в генералисах восточных рубежей.

Когда царь отозвал своего старшего сына, то Святослав и предложил в качестве замены князя Всеволода. Тот, надо сказать, и впрямь был не только воин, но и полководец от бога. О людях заботился, как отец родной, но не доверял никому, все сам и сам, поэтому никудашность людишек из своего ближайшего окружения попросту не замечал.

Вот и опасался Святозар, чтобы царь не подумал, будто его сын смещает своих помощников не потому, что они плохие, а потому, что поставлены эти люди его братом, то есть как бы ревнует к царевичу и наследнику.

«Вначале докажу, на что я сам пригоден, – мрачно размышлял он. – А уж потом, спустя лето или два, ими займусь».

\* \* \*

Сыны же государя Константина бысть статью вельми славны и имеша столь мнози черт достохвальных, кои и перечесть тяжко. Святозара же князя о ту пору вси ратники хвалиша, ибо мнози ворогов он побита на рубеже, кой ему беречь царь повелеша, и ни един от его не ушед. Корзно же оный князь носиша сине, посемену и прозван бысть Монголами Синею Смертию, ибо разиша их нещадна и себя не жалеша для Руси.

*Из Владимирско-Пименовской летописи 1256 года*

*Издание Российской академии наук. СПб., 1760*

\* \* \*

*О. А. Албул.* Завершая разговор о вероятных столицах средневековой Руси, на который я был вынужден отвлечься из-за своих оппонентов, хочу заметить, что и здесь все пошло по пути наибольшей исторической вероятности. Именно Рязань имела наибольшую перспективу стать стольным градом, исходя из целого комплекса благоприятных аспектов, каковыми Константин и воспользовался в полной мере. Напоминаю, что преодолеть инерцию древней, пусть и ослабевшей системы, чтобы на ее обломках воздвигнуть что-то принципиально новое, гораздо легче на границе ареала, где и находилось Рязанское княжество. Константин не совершил ничего из ряда вон выходящего. Справедливости ради отмечу, что в меньшей степени, но имелись похожие шансы у Киева, Галича, Смоленска, Владимира и Новгорода, хотя и не в такой благоприятной совокупности, как у Рязани.

*Ю. А. Потапов.* Не согласен. У них как раз этих шансов было значительно больше, да и не только у них. Вы просто недооцениваете роль личности в истории, в частности того же Константина.

*О. А. Албул.* А вы ее чрезмерно выпячиваете, почтенный Юрий Алексеевич. Я уважаю ваши большие научные заслуги, но в этом вопросе категорически с вами не согласен. Так вы, пожалуй, договоритесь до того, что если бы не было Константина, то немецкие рыцари захватили бы всю Прибалтику, или вообще до нелепицы о том, что какой-нибудь жалкий литовский князек, вроде Миндовга, ухитрился бы объединить всех литовских дикарей, вместе с родственными пруссами, ятвягами и жмудью, и создать целое государство, которое соперничало бы с Русью.

*В. Н. Мездрик.* А почему бы и нет? Мысль интересная.

*О. А. Албул (язвительно).* Дарю, уважаемый Виталий Николаевич. Только имейте в виду, что ваша докторская диссертация, да и ряд других научных работ и без того подчас напоминают фантастический роман, особенно когда речь идет о возможных путях развития нашей страны. Смею

заметить, что подобный подход к истории более приемлем для какого-нибудь беллетриста-романиста, а не для историка, обязанного полагаться на факты и только на них. К тому же, если бы ваши фантазии хотя бы выглядели убедительно, а то...

*В. Н. Мездрик.* Вот только будьте любезны – без неуместной иронии и насмешек. Как я понял, Олег Александрович, вас не устраивает моя научная концепция, согласно которой разрозненные русские дружины и пешее необученное ополчение в самой ближайшей после Калки перспективе ожидал разгром, после чего неизбежно последовал бы длительный, возможно, на несколько десятилетий, период порабощения всей страны. Так ведь?

*О. А. Албул.* Совершенно верно. Вы бы еще сказали – порабощения на века! Уж пугать читателя, так пугать основательно. На самом деле совершенно очевидно, что Русь – не будь Константина – неминуемо объединил бы кто-нибудь другой. Просто для этого пришло время, и страна, если так можно выразиться, созрела.

Более того, не будь этой злополучной вражды рязанского князя с черниговскими и новгород-северскими владетелями, к которой впоследствии подключились чуть ли не все княжества, то и на Калку пришло бы куда более сильное войско, которое наверняка одержало бы победу над монгольскими туменами. Причем сделало бы оно это столь убедительно, что совершенно отбило бы охоту у степняков и впредь соваться на Русь. А что до оккупации, так это вообще несерьезно. Как вы себе представляете монгольскую конницу в непролазных русских болотах, окруженных со всех сторон дремучими лесами?

*В. П. Мездрик.* Но они могли бы выступить на Русь зимой, как это и сделали на самом деле.

*О. А. Албул (поучительно).* Сразу видно, что у вас смутное представление о военном деле. Воевать за обладание степью, при этом находясь в степи, – одно, а вот углубиться в русские пределы, где их встретили бы дремучие непроходимые леса, – совсем другое. Да и корм для коней зимой тоже негде взять.

*Ю. А. Потапов.* У самих русичей в захваченных селах и городах.

*О. А. Албул.* Напомню, что наиболее крупные города Хорезмской державы были взяты только благодаря трусости и предательству. Да они на одних только Пронске с Рязском потеряли бы столько людей, что дальше и не сунулись бы. Кстати, в качестве подтверждения моих слов вспомните поведение Субудая близ южного Переяславля. Он даже не решился его осадить.

*Ю. А. Потапов.* Потому что к нему подошли рязанские полки Константина. Зато что касается городов Волжской Булгарии...

*О. А. Албул.* Ну вот вы снова за свое. Я не спорю, его роль была велика, но если бы не было бы Константина, то непременно нашелся бы кто-то другой. А вас послушать, так получается, что замены ему на тот период времени не было вовсе. Да и со столицей Руси вы несколько... чрезмерно смелы. Почитав ваши труды, можно сделать вывод, что ею мог бы стать практически любой город при наличии умного и энергичного князя – хоть Тверь, хоть Нижний Новгород, хоть даже град на Волоке Ламском.

*Ю. А. Потапов.* А почему бы и нет? Что касается последнего, то стык торговых путей всегда благоприятен для экономического, а впоследствии, при наличии умного князя, не слишком щепетильного в отношении своих соперников, и политического развития.

*О. А. Албул.* А как вам какой-нибудь Бельз, Юрьевец или, скажем, Димитров с Москвой в качестве кандидатов на возможную столицу? Скажете, что и это возможно?

*Ю. А. Потапов.* Вы все норовите довести до абсурда. Во-первых, о подобной нелепице я никогда не писал, поскольку все, что вы перечислили, действительно слишком ничтожно, к тому же у них как раз отсутствует выгодное географическое положение. Хотя... (*задумывается, после паузы*) думается, что крохотные шансы при определенных обстоятельствах могли появиться и у них. Правда, для этого их князья должны были быть не только энергичными умницами, но и очень большими подлецами, не брезговать ничем в борьбе со своими соперниками, начиная от клеветы и предательства и заканчивая физическим устранением.

*О. А. Албул.* А вы не задумывались, ну хотя бы на секунду, потерпела бы Русь таких негодяев?

*Ю. А. Потапов.* Если бы они проиграли, то, безусловно, нет. Их непременно заклеямили бы, как Святополка Окаянного. А вот если бы они оказались в победителях – то запросто.

*В. Н. Мездрик.* Еще и святым бы кого-нибудь из них сделали.

*О. А. Албул.* Простите, уважаемые коллеги, но я хотел бы знать, мы с вами ведем научный диспут или сочиняем фантастический роман, причем довольно-таки страшный – с князьями-подлецами, с загадочным вековым рабством Руси, ее последующим расколом на несколько народностей и мучительно тяжким воссоединением. Бр-р-р, об этом и думать-то страшно, не то что говорить. Радует лишь то, что все это возникло в вашем воспаленном воображении и не имеет ничего общего ни с реальностью, ни даже с гипотетической возможностью, настолько все это нелогично и вообще... несерьезно.

*Ю. А. Потапов.* Благодаря князю Константину.

*О. А. Албул.* А я еще раз вам отвечаю, что природа не терпит пустоты. Не будь его – был бы другой, и как знать, может, и получше.

*В. П. Мездрик.* Да Константин и так практически не совершал ошибок.

*О. А. Албул.* Ой ли? А вот этот разброс собственных войск в погоне сразу за тремя зайцами – Прибалтикой, Константинополем и татарами? Да и в последующем, согласитесь, его действия не всегда можно назвать удачными. А его попытки перейти в католичество, которым, кстати, имеется документальное подтверждение в виде соответствующих грамот римского папы.

*В. П. Мездрик.* Фальшивка!

*О. А. Албул.* Это вы так считаете, а большинство здравомыслящих ученых склоняются к противоположному выводу. Да мало ли что еще. К тому же, Виталий Николаевич, не забывайте о его потомстве. Я имею в виду его сына Святозара, который... Впрочем, вы это знаете не хуже меня.

*Ю. А. Потапов.* Может быть, и так, но вспомните, что произошло то ли накануне смерти самого Константина, то ли сразу после нее, словом,

примерно в тех пределах. Как вы считаете, не следует ли полагать, что выяснились какие-то неизвестные доселе обстоятельства? На мой взгляд...

*О. А. Албул (перебивая).* Не уподобляйтесь своему авантюристичному коллеге, голубчик. На основе голых догадок пытаться опровергнуть десятки, если не сотни свидетельских показаний, зафиксированных в летописях, это уж, знаете ли, переходит всяческие рамки. К тому же и без того понятно, что наиболее убедительная причина всего, что тогда происходило, – это борьба за трон, только и всего. В ней и только в ней кроются все корни тех или иных объединений и возникновение довольно-таки странных коалиций. Союзников в политике, знаете ли, выбирают исходя исключительно из общности интересов, пусть хотя бы и временных.

*Председательствующий.* Я вынужден прервать вас, дорогие коллеги, поскольку время позднее, вы устали, да и несколько отклонились от первоначальной темы обсуждения. Поэтому я предлагаю оставить острые стрелы ваших разящих слов и перенести дискуссию на другой день. Возражения есть? *(Молчание.)* Вот и чудесно. Перерыв.

*Из протокола научной дискуссии Императорского Исторического общества,*

*Рязань, май 1842 года.*

## Глава 3

### Хотел как лучше, а получилось... еще лучше

*Моубрей*

*Тайный голос изнутри*

*Меня все время предостерегает,*

*Что между нами мир недостижим.*

*Гастингс*

*Не бойтесь. Договор мы обеспечим*

*Ручательством противной стороны.*

*На этих обоюдных основаниях*

*Наш мир незыблем будет, как скала.*

**Уильям Шекспир. «Генрих IV».**

Как доказать, что ты достоин своего места, что тебя поставили командовать другими людьми не из-за княжеского титула или кровного родства с самим царем, а исходя из твоих собственных заслуг? Да только делом. А иначе никак.

Воевода Вячеслав Михайлович как учил? «Любой начальник человек – хоть десятник, хоть сотник, не говоря уже о тысяцком – должен быть для своих людей примером. Во всем. Иначе ничего путного не получится».

– Ты вдумайся в эти слова, княже, и сам все поймешь, – втолковывал он Святозару. – Что «начальник», что «поначалу». Корень у этих слов один, стало быть, кому надлежит первому во всем быть? – И сам же отвечал: – Ему. А уж велик ли его чин, мал ли – то дело десятое. Опять же, если не будет личного примера, то откуда у людей возьмется вера в тебя? Неоткуда ей взяться. Воин же без веры – это половинка воина. И рука его не так сильна, и глаз не так зорок, а в голове сомнения опасные вьются. Какая уж тут битва?! Не до нее ему. Совсем другое дело, если ратник за своим начальником готов в огонь и воду, если он в него верит, как в господа бога. Тут у него и сил вдвое против прежнего прибавляется. Тебе же мои слова надо запомнить особо.

– Почему? – удивился Святозар.

– А потому, что тебя с юных лет наш государь в начальные люди ставить принялся. Потому у многих обязательно черная мысль зародится – не своими заслугами, но только одним родством обязан этот начальник столь высоким чинам. Будь, мол, я царским сыном, так, глядишь, еще выше стоял бы.

– А что же тогда делать? – не на шутку испугался Святозар.

– А кому я только что все объяснял?! – возмутился воевода. – Сказано же – личным примером! Больше доказать ничем не получится.

Поэтому, узнав, что в степях появилась неуловимая сотня монгольских воинов, совершающая набеги через рубежный Яик, Святозар мгновенно понял: «Это оно!» Если получится изловить степных грабителей, самолично руководя поимкой, то его авторитет будет поднят на такую высоту, что поглядывать на незаконного царского сына всем прочим придется только снизу вверх.

К тому же, судя по рассказам тех, кто пытался чуть раньше отрезать сотню от Яика, командовал ею тот самый Бурунчи, который еще в Орске с неизменным успехом уходил от засад и погони. Сам Святозар не раз гонялся за ним, но безуспешно.

Подивившись тому, что они с Бурунчи стали такими неразлучными, князь принялся размышлять, каким образом уничтожить везучего сотника, но, как ни крутил, как ни вертел, верного способа так и не придумал, а рисковать не хотелось. Если уж принимать личное

участие в погоне, то она непременно должна была закончиться успехом, иначе могло получиться еще хуже. Тогда те, кто теперь поглядывает на него искоса, станут смотреть уже с явной кривой ухмылкой, даже не пряча ее.

Сотник же с каждым днем все больше и больше наглел. Раньше он предпринимал свои вылазки очень осторожно, исключительно ночью, к тому же на солидном расстоянии от обеих крепостей, действуя почти посередине. Теперь же Бурунчи подходил к Оренбургу чуть ли не вплотную, орудуя в двадцати—тридцати верстах от него.

И вот пришел долгожданный день, когда Святозар понял, что у него есть возможность поймать окончательно зарвавшегося монгола. Сотня, которую он вел, все ближе и ближе сближалась с отчаянно удиравшими воинами Бурунчи, возглавлявшего это паническое бегство.

Монголы были уже в пределах досягаемости арбалетных стрел, чем и воспользовались русские пограничники. Конечно, целиться на скаку тяжело, но каждая десятая из них все равно нашла свою добычу. Немного, но, как известно, первый успех окрыляет.

Оставалось совсем чуть-чуть, но тут для сотника расстаралась сама природа, открыв прекрасный спуск к Яику. Почти весь правый русский берег был довольно-таки крут, но именно в этом месте во время очередного весеннего половодья пласты земли, нависшие над водой, рухнули в реку, да так удачно, что образовался пологий спуск к воде.

Бурунчи и его воины взвыли от радости, русичи – от разочарования, что неуловимый сотник в который раз уходит от них, и разгоряченный погоней Святозар, бесшабашно махнув рукой, приказал: «Следом!», хотя пересекать Яик порубежникам запрещалось.

– Как мы можем требовать от степняков не ходить на наши земли, если сами будем соваться к ним? – задал резонный вопрос воевода Вячеслав Михайлович, когда князь поинтересовался, почему те могут сюда шастать, хоть и рискуя не вернуться, а его люди – нет.

До сегодняшнего дня Святозар честно выполнял это распоряжение, но уж больно не хотелось ему упускать добычу, когда она рядом. К тому же неизвестно, представится ли в следующий раз такой удачный случай, а если да, то когда? Побывав на волосок от смерти, бесшабашный сотник непременно остепенится, и потом поди излови его.

Чалый жеребец Святозара первым плюхнулся в мутные воды Яика. Остальные кони послушно последовали за своим вожаком. Холод реки ожег разгоряченное тело князя, остужая его пыл и заставляя задуматься, а правильно ли он поступил?

И вообще, если уж говорить о личном примере, который он подает своим людям, то этот пример скорее из разряда непослушания. Но додумать эту, в общем-то, правильную мысль князь не успел. Конь уже выходил на противоположный берег, а поворачивать его обратно было бы настолько глупо, что Святозар лишь зло отмахнулся от нее и вновь ринулся в погоню, тем более что, по его прикидкам, гнаться оставалось не больше версты, от силы – двух. Дальше расстояние между противниками должно было сократиться настолько, что сотнику волей-неволей пришлось бы разворачиваться к врагу лицом и принимать бой.

Так оно и случилось, но, когда Бурунчи и его люди стали поворачивать своих коней, Святозар, обернувшись назад, чтобы еще раз ободрить воинов, с ужасом увидел, что из волка он сам превратился в зайца.

Как, когда и откуда вынырнули позади него еще три сотни, он так и не понял, но сейчас они находились уже в опасной близости от его пограничников, число которых заметно поредело. Монголы знали свое дело, и пущенные ими в приотставших от основного отряда русичей стрелы били без промаха. В седлах вместе с князем находилось уже не более семи-восьми десятков. А стрелы все разили и разили, безошибочно находя уязвимые места, впинаясь кому в ногу, кому в шею, а кому в лицо.

И тогда, поняв, что еще совсем немного, и драться будет некому, Святозар поднял коня на дыбы и повел своих людей в атаку. Она должна была стать самоубийственной, но это лучше, чем беспомощное ожидание смерти.

Один против пяти-шести – тут не выстоять никому. То, что князь исхитрился продержаться в седле целых несколько минут, само по себе являлось чудом, но было еще и второе, когда, очнувшись, он почувствовал, как чья-то заботливая рука бережно вытирает его лоб приятно холодной и влажной тряпицей.

«Жив?! – несказанно удивился он. – Почему?!»

Тем временем кто-то, осторожно приподняв его голову, настойчиво пытался влить какую-то солоноватую жидкость в пересохший рот. Святозар плотнул, поперхнулся, закашлялся, но, отдышавшись, немедленно сделал еще один глоток, затем еще, еще, еще и наконец-то сумел разлепить глаза.

Несколько секунд он тупо разглядывал смуглые физиономии, затем взгляделся в одну из них, показавшуюся ему до одури знакомой, после чего пожалел, что вообще уцелел. Мало того, что он, по всей видимости, положил всю сотню, так еще и ухитрился угодить в плен.

– Монголы, – прошептал он одними губами, и спасительное забытие тут же ласково обхватило его со всех сторон и бережно увлекло куда-то в темноту.

Ошибиться Святозар не мог. Перед ним явно стоял Бурунчи – наиболее удачливый сотник хана Вату. Он выделялся даже на фоне прочих счастливицов, трижды уходил от самого Святозара, а потому пользовался особым почетом и уважением самого хана. Бату не приближал его к себе только потому, что нуждался в таких везунчиках, которые должны подавать пример всем прочим, внушая своим богатством уважение и зависть соседям и побуждая в них такое же желание попытаться обогатиться.

«Будешь ходить за реку, и у тебя тоже появятся тысячные табуны скакунов, и ты каждую ночь сможешь спать с новой рабыней», – говорили старые монголы своим сыновьям.

Только очень старые, а потому мудрые, вполголоса добавляли: «Если останешься жив». Впрочем, молодости всегда была свойственна излишняя самонадеянность, а также непоколебимая уверенность в собственном бессмертии, так что на мудрое предостережение никто не обращал внимания.

Да и сам Бату не раз говорил своим нукерам:

«Там, за рекой, богатые уголья, высокие травы и бесконечные табуны. Их владельцы – такие же степняки, как вы, а живут много богаче. Разве это справедливо?»

Одобрительный рев, вырывавшийся при этих словах у сотен слушателей, поддерживал его, и хан продолжал:

«Мой дед, великий воитель, завещал все эти земли мне и моему роду, а значит, и вам, мои доблестные воины. И разве справедливо, когда эти урусы, умеющие только рыться в земле, подобно грязным навозным червям, мешают нам твердой ногой ступить на то, что завещано мне по праву?»

И снова оглушительный рев вылетал из сотен и сотен молодых глоток.

«Я уезжаю добивать желтых лисиц, – заканчивал он. – Но когда вернусь, я вознагражу всех храбрецов, которые не побоялись сходить туда. Каждый получит от меня столько же коней, сколько он сумел угнать из стойбищ наших будущих рабов, столько же женщин, сколько он привезет из своих набегов».

И всякий раз после его отъездов количество монгольских отрядов, скрытно переходящих Яик, увеличивалось, вот только богатства это почему-то не приносило, потому что одновременно с этим увеличивалось количество плачущих вдов, а также полуголых оборванцев-сирот, оставшихся без отца-кормильца.

А когда Бату возвращался из далеких земель, он говорил, что во всем виноваты подлые убийцы-урусы, которые тайно подкрадываются и коварно нападают на монгольских воинов, отнимая у них то, что принадлежит им по праву.

Пока Святозар лежал в юрте Бурунчи, он ни разу не видел, чтобы тот был чем-то озабочен или встревожен. Напротив, рот его не закрывался от широкой, будто прилепленной навечно улыбки. Еще бы, взять в плен самого князя Синяя смерть – это о-го-го.

Пройдут века, но старые седобородые акыны будут продолжать петь об этом, восхваляя перед новыми поколениями героический подвиг Бурунчи-багатура и его нукеров. К тому же сотник верил своему хану, от которого и получил задание изловить князя.

– Поймаешь его – быть тебе темником, – коротко сказал он, и Бурунчи этого хватило.

Теперь он рассчитывал, что, когда он привезет Святозара и подарит царственного пленника своему хану, тот не просто даст ему власть над десятью тысячами воинов. Он непременно осыплет его золотом и приблизит к своему сердцу. Поэтому Бурунчи очень тщательно следил, чтобы две пленницы-башкирки вовремя меняли свежие повязки на голове князя, промывали рану чистой ключевой водой, а в его изголовье всегда стоял кувшин со свежим кумысом.

Через две недели, решив, что русич уже сможет перенести путешествие, Бурунчи начал готовиться к дальней дороге в Сыгнак<sup>24</sup>, где была расположена ханская ставка.

Однако все сложилось иначе. Хан сам пожаловал к Бурунчи, прослышав о том, какой важный пленник попался в руки его воинов. А вот дальше все пошло совсем не так, как думал Святозар.

Он предполагал, что хан либо отпустит его за солидный выкуп, либо убьет, если чувство мести пересилит жажду наживы. Разумеется, казнить он его будет прилюдно и постарается придумать такой способ, чтобы можно было вволю насладиться страданиями пленника. Поэтому Святозар с самых первых дней начал подыскивать себе что-нибудь острое, дабы успеть лишить Бату этого удовольствия.

Вести поиск с колодками на руках, на ногах и на шее было затруднительно, а потому отыскать острый обломок когда-то разбитого кувшина, затерявшийся в густой траве возле юрты, ему удалось лишь перед ханским приездом, но и он не понадобился.

Бату был весел, словоохотлив и первым делом повелел снять с пленника колодки.

– Может, оставим их? – робко уточнил Бурунчи. – Вдруг пленник сбежит?

– Ты же собирался подарить его мне, – надменно заметил хан. – Считаю, что уже подарил. Если он сбежит, то у меня, а не у тебя. Да и зачем ему бежать? Это у тебя он был пленником, а у меня он – гость. Разве вежливый гость может без предупреждения покинуть хозяина? – И приказал толмачу: – Переведи это и скажи, что если он даст слово не пытаться бежать в течение десяти дней, то хан не просто освободит его, но и вообще снимет охрану. А сотник Бурунчи подарит ему одного из своих любимых жеребцов, искупив свою вину за то, что так жестоко обращался со своим пленником. А через десять дней его с почетом проводят до Яика и даже помогут перебраться на ту сторону.

Толмач перевел.

– А какой выкуп ты возьмешь с меня, хан? – уточнил Святозар, понимая, что мучительная смерть вроде бы отодвинулась.

Бату поморщился и поучительно заметил:

– Разве можно брать выкуп с гостя? Наоборот, гостеприимный хозяин оделяет его подарками, чтобы он почаще приезжал и не унес в своей голове худые воспоминания о стойбище, в котором побывал.

---

<sup>24</sup> Сыгнак – в XIII в. богатый торговый город на Сырдарье, первоначальная столица улуса Джучи. Ныне там нет даже населения – только развалины.

– Разве враги могут быть гостями? – без всяких уверток спросил князь.

– В этом мире все изменчиво. Даже солнце может быть и врагом, когда оно день за днем нещадно выжигает траву в степи, и другом, когда помогает земле освободиться от снега и возродиться на ней новой, сочной траве. Так что тут говорить о людях. Вчера ты был враг, сегодня мы примирились, чтобы вместе напасть на третьего, а завтра делим добычу, пьем пенный кумыс и клянемся в вечной дружбе, – философски ответил хан.

– А послезавтра? Вновь враги? – уточнил Святозар.

– Даже самые мудрые из людей не смогут сказать наверняка, будут они живы к вечеру следующего дня или нет, – уклончиво ответил хан. – Так что ни к чему нам заглядывать далеко вперед. Мы все равно не увидим будущего, а даже если что-то и увидим, то все равно не поймем или поймем не так, как оно будет на самом деле.

– Хан мудр, – заметил Святозар с легкой усмешкой.

– Я не только мудр, но и справедлив. Если враг отважен и храбр, то я уважаю этого врага. Когда он попадает ко мне в плен, я не люблю наслаждаться его мучениями и смертью. Терзать беспомощного недостойно настоящего воина.

– Неужели ты просто так отпустишь меня и не потребуешь ничего взамен? – недоверчиво спросил Святозар.

Бату строго посмотрел на окружающую его свиту и произнес:

– Пусть кто-нибудь из вас вспомнит случай, когда я дал кому-то свое слово и не сдержал его. Хотя бы один. Ну! – нетерпеливо прикрикнул он.

Все молчали.

– А ты чего молчишь? – напустился хан на толмача. – Переведи князю то, что я спросил у своих людей.

Тот начал было переводить, но князь остановил его.

– Я знаю твой язык, – тщательно подбирая слова, медленно произнес он.

– Это хорошо, – одобрительно заметил Бату. – Взамен же подари мне то, что можно получить от гостя, – свою дружбу. В степи мне больше всего не хватает именно ее. – Он властно взмахнул рукой, и все присутствующие немедленно удалились.

В юрте остались только Бату и Святозар. Хан брезгливо пнул ногой по колодке, снятой с ног пленника, неторопливо уселся на подушку, валявшуюся на кошме, и жестом пригласил Святозара занять место подле него.

Когда тот уселся, Бату, понизив голос, продолжил:

– Если бы ты знал, как я устал от постоянной войны. Мне нужен прочный мир хотя бы с одной стороны моего улуса. Скажи, если ты напишешь моему отцу о моем предложении мира, он согласится заключить его со мной?

– Я не могу отвечать за своего отца, – сказал Святозар, но, заметив, как вытянулось и поскучнело лицо его собеседника, быстро добавил: – Но, насколько я знаю, он любит мир и всегда охотно заключает его с соседями. Он говорит, что правителю гораздо выгоднее, когда его подданные растят хлеб и торгуют, нежели когда идет война. За любую добычу рано или поздно придется заплатить такую цену, что станет невыгодно воевать. И еще одно могу сказать твердо. Если отец дает кому-то слово, он никогда не нарушает его.

– Это хорошо, – одобрительно произнес хан. – Я всегда считал, что с урусами можно иметь дело. Гораздо лучше, если они из сильного врага станут надежным другом, к которому можно без опаски повернуться спиной.

– Если отец заключит с тобой мир, то он никогда не ударит тебе в спину, – подтвердил Святозар.

– Вот и славно, – Бату довольно потер ладоши. – Но о делах у нас еще будет время поговорить, а сегодня мы будем наслаждаться нежной сочной бараниной, веселиться и пировать.

Я привез с собой много крепких напитков, дурманящих голову, и хочу посмотреть, кто из нас сможет победить в этом сражении.

Дни понеслись вскачь, как молодой глупый джейран по весенней степи. Бату и впрямь не ограничивал Святозара в передвижениях, куда бы тот ни шел. Князь пару раз специально говорил хану, что хочет немного развеяться и побыть в степи, на что Бату только пожимал плечами и заявлял:

– Я же сказал, что ты у меня гость, а гость вправе делать то, что вздумается. Лишь бы тебе было хорошо. Хочешь поехать один – езжай. А если заблудишься, помни, что у Бурунчи – умные кони. Просто отпусти поводья, и он сам привезет тебя обратно.

Святозар отъезжал далеко, даже очень далеко, но, как ни оглядывался, все равно не примечал, чтобы кто-то из монголов следовал за ним. Хан и впрямь твердо держал свое слово.

К честному врагу поневоле испытываешь уважение. К великодушному – вдвойне.

«Если подсчитать всех, кого я положил за эти годы, наберется не меньше пяти десятков, а то и вся сотня, – размышлял Святозар. – Пускай он хочет мира с выгодой для себя. Пускай даже он потом наберет еще больше сил. Но кто сказал, что после этого Бату непременно нападет на Русь? Да отец и сам всегда говорил, что надо выиграть время. Чем больше Русь пребывает в мире, тем крепче она станет. Я никого не обманываю и не предаю. Я даже ничего ему не обещал, кроме того, что не убегу. Да и к чему бежать, если завтра заканчивается оговоренный ханом срок? Незачем».

Бату и тут сдержал свое слово, самолично поехав провожать Святозара. Последний вечерний привал они сделали в версте от Яика. Оренбург, ставший почти родным, грозно высился на другой стороне реки, гордо вздымая свои крепкие могучие башни. На этот раз хан не был так весел, как все эти дни, но князь даже не успел спросить, что так расстроило его, – Бату сам пояснил причину печали:

– Мне грустно расставаться с тобой. Ты показал себя хорошим собеседником. Пожалуй, ты первый, кто говорит со мной и при этом думает то же самое, что произносит. И еще мне жаль, что трон твоего отца унаследует не ты, а твой старший брат, который, как я слышал, предпочитает быстрой скачке заунывные завывания своих шаманов с крестами на груди. По мне, так твой отец не прав, сделав наследником его, а не тебя. Хотя... – Он ненадолго задумался, затем продолжил:

– Все в жизни переменчиво. Особенно когда рядом есть надежные друзья, всегда готовые помочь восстановить порушенную справедливость. Тем более что мне это хорошо ведомо. Я ведь тоже не был старшим сыном своего отца. Но он, в отличие от твоего, поступил мудро. Видя, что его первенец Орду-Ичен не способен держать твердой рукой свой улус, он выделил ему земли, много земель, но старшим в роду сделал меня.

«Вот оно, – сердце Святозара екнуло. – Началось самое главное. Вот зачем я нужен хану. Он хочет стравить нас с братом, а когда мы перегрыземся, ударит в спину. Или нет. Скорее он и впрямь на первых порах может мне помочь, чтобы уравнивать наши со Святославом силы. А уж потом, выждав миг поудобнее, ударит по мне. И что делать?» А свобода была ох как близка.

– О чем задумался мой гость? – заботливо спросил Бату.

– Я думаю, ты был прав, когда сказал, что все в жизни переменчиво. И я рад, что твой отец поступил справедливо, сделав своим наследником самого лучшего из сыновей и не посмотрев, какой он у него по счету, – уклончиво заметил Святозар, решив не лгать, но и не говорить всей правды. – Это наводит на размышления. Но твое предложение так неожиданно, что только глупец ответил бы на него сразу, не обдумав всего как следует.

– Хорошо сказано, – оживился Бату. – Большие дела всегда требуют долгих дум. Ты оказался еще мудрее, чем я считал, и мне так жаль расставаться с тобой, что я передумал. – Он хитро улыбнулся и испытующе посмотрел на Святозара.

Князь побледнел.

– Неужели хан решил первый раз в жизни нарушить свое слово? Или слово, данное врагу, не обязательно к исполнению? Мой отец так не считает. В таком случае тебе трудно будет говорить с ним о вечном мире между нами.

– Ты не понял меня, Святозар, – еще шире улыбнулся Бату. – Мне настолько тяжело расставаться с тобой навсегда, что перед тем, как отпустить тебя, я хочу попросить. Дай слово, что через десять дней ты переправишься через Яик на это же место, где я буду тебя ждать. И помни – это просьба, – поднял он вверх палец. – Если ты не хочешь возвращаться, то не обещай.

– Что ж, я даю тебе его, – быстро ответил Святозар. – Через десять дней мои люди переправят меня на этот берег.

– Я верю тебе, – торжественно произнес Бату.

Князь сдержал обещание. Ровно через десять дней они вновь встретились с ханом на низком левом берегу Яика, куда его доставила ладья. Несмотря на все уговоры, он даже не стал поддевать кольчугу, а из всего оружия взял с собой лишь нож, да и то лишь для того, чтобы было удобнее резать баранину, в изобилии лежащую перед ним на блюде.

Однако Святозар и не держал в тайне того, что с ним произошло. Подробностей, правда, не рассказывал, но скупое поведал, что хан Бату желает заключить с Русью вечный мир. Именно поэтому он и отпустил сына царя всея Руси, даже не взяв с него выкупа.

«Я ничего не обещал ему, государь, – написал он в грамотке, которую нарочные уже на следующее утро повезли в Рязань. – Правду он мне сказывал или умыслил некую тайную зловеру – решать тебе. И еще я дал ему слово вернуться через десять дней. Ворочусь ли жив али нет – на все воля божья. Но ты сам сказывал, что ежели даешь роту<sup>25</sup>, пусть и ворогу, то бесприменно должен ее соблюсти. Посему поступаю так, яко ты заповедал в своем поучении».

Вопреки ожиданиям пессимистов, Бату при встрече со Святозаром не сделал ни малейших попыток к насильному удержанию князя. Да и вел он себя точно так же – веселился, смеялся, рассыпал массу лестных слов в адрес русичей. Слова Святозара о том, что он уже послал гонцов известить царя о желании хана заключить вечный мир, Бату воспринял как само собой разумеющееся.

Единственный раз он нахмурил брови, когда князь вежливо, но твердо отклонил еще одно его предложение помочь восстановить справедливость. Правда, Святозар по возможности постарался смягчить свой отказ, заявив, что его отец полон сил, чувствует себя бодро, а потому все разговоры о наследстве преждевременны. Как знать, может, через несколько лет он и сам решит поступить иначе.

– Ты говорил, что даже мудрым не дано предсказать, что случится с ними на следующий день. Тем более ни к чему загадывать на многие лета вперед, – заметил Святозар и развел руками. – Никто не ведает, когда придет его смертный час. Разве мало было случаев, когда отец переживал своих сыновей?

– Я понял тебя, князь, – кивнул Бату. – Наверное, ты прав. Что же до мира, то я мыслю так. Помимо надежно защищенной спины для победы над своими братьями, которые стали слишком своевольными, мне нужны сильные союзники. Я боюсь, что твой отец не до конца поверит моим мирным намерениям и не даст мне в помощь своих полков.

---

<sup>25</sup> Рота – клятва (ст.-слав.).

Он испытующе посмотрел на Святозара, но тот молчал, спокойно ожидая, что хан скажет дальше.

– Думается, что я найду поддержку, но для этого мне нужно время. Много времени. Поэтому я бы хотел, чтобы ты написал своему отцу о том, что я вновь вернусь сюда на этот берег, когда река покроется таким льдом, чтобы по нему могли ступать кони. Тогда мы окончательно обговорим все условия мира и заключим его на страх всем нашим врагам. Только отпиши, что я хотел бы говорить именно с ним, а не с его послами. Тогда он, если потом захочет нарушить свое слово, не сможет отделаться пустыми отговорками. – Но, заметив, как сразу же насторожился Святозар, Бату усмехнулся и упрекнул собеседника: – Я вижу, что ты не доверяешь мне. А вот ворота моего сердца перед тобой распахнуты, как полог юрты в полдень жаркого дня. Хоп. Напиши ему, что в знак искренней жажды мира я готов сам приехать в вашу крепость, где скреплю наш договор своей большой печатью. С собой же я возьму не больше десятка воинов. Как видишь, я готов пойти даже на такое и не боюсь целиком оказаться во власти каана урусов, – завершил он свою речь.

«Лишь бы старый волк попал в мою западню, – подумал Бату, продолжая все так же мило улыбаться князю. – А уж я постараюсь, чтобы он нашел там свой конец».

– Я отпишу обо всем этом государю, – кивнул Святозар. – Думаю, что он по достоинству оценит, насколько глубоко твое доверие к нему.

– Тогда мы вновь начнем пировать и веселиться, как подобает друзьям, всегда готовым прийти друг другу на выручку, – улыбнулся хан.

## Глава 4

### Договор «поневоле»

*Не всему еще жизнь научила,  
Больно стучая носом о дверь:  
Если что-то тебе посулили —  
Ты посулам не очень-то верь.  
Пусть ты сам никогда не забудешь,  
Если слово кому-то даешь,  
Но тебя – вот уж истинно – люди  
Подведут просто так, ни за грош.*

**Мария Семенова**

– Ну почему, почему ты боишься высунуть нос из своей треклятой пещеры?! – ревел от бешенства Бату, в ярости колотя рукой по шершавому серому камню, чуть выступающему из гладкой стены. – Я клянусь тебе чем хочешь, что мои воины повезут тебя так бережно, как не везли в последний путь даже потрясателя вселенной. – Я же все продумал, но если ты не наведешь морока на русичей, то с десятком людей мне со всеми ними не управиться. А ты это можешь, я знаю.

– Могу, – вздохнул Горесев. – Я многое могу. Но еще раз поясню тебе, что стоит мне пересечь эти горы, как меня тут же обнаружат те, с кем рассорился и от кого бежал мой отец.

– Ты боишься, – усмехнулся Бату. – Но ведь тебя будут постоянно защищать мои воины. И потом, что ты теряешь?! Вот это?!

Он широким жестом обвел все убранство пещеры. Черный человек и впрямь жил небогато. Можно сказать, скудно. Его ложе состояло из обыкновенного ковра, постеленного в дальнем углу прямо на камни. Стол, расположенный в середине, тоже из камня, верхнюю поверхность которого гладко срезала какая-то могучая сила. Каменным был и стул, на сиденье которого лежала обычная циновка, сложенная вдвое. Вот и вся обстановка, если не считать размещенных по периметру всей пещеры каменных полок, на которых в беспорядке валялись свитки и огромные толстые фолианты.

– Хочешь, я заплачу тебе за все твое добро три золотых динара? Нет, даже десять, – поправил себя хан. – Не думаю, что кто-то даст тебе больше двух.

– За некоторые из этих свитков знающий человек с радостью дал бы десять тысяч золотых динаров, – поправил его Горесев. – А потом прыгал бы от счастья, считая, что бессовестно надул меня. И это было бы правдой, ибо лишь редкие из них я оценил бы дешевле ста тысяч.

– И что же там написано? – поразился Бату.

Он ткнул пальцем в свиток, лежащий с краю, и потребовал:

– Прочти мне что-нибудь из него, чтобы я тоже мог насладиться древней мудростью и проникнуться ее величием.

Горесев криво усмехнулся, взял указанный свиток, развернул его и стал медленно читать вслух:

– «Древние<sup>26</sup> были, есть и будут. До рождения человека пришли они с темных звезд, незримые и внушающие отвращение, спустились они на первозданную землю. Много сто-

---

<sup>26</sup> Здесь и далее Горесев читает книгу араба Абдула аль-Хазреда, которая позднее получила название «Книга мертвых». Рукопись найдена в Дамаске и датируется 730 г. н. э.

летий плодились они на дне океанов, но затем моря отступили перед сушей, и полчища их выползли на берег, и тьма воцарилась над Землей».

Бату невольно передернулся. Ледящим холодом повеяло от глухого голоса Горесева, и сами слова были тягучи и неприятны, как... Он попытался найти сравнение, но не смог, потому что они были хуже всего, что знал хан.

А шаман продолжал читать:

– «У ледяных полюсов воздвигли они города и крепости, и на высотах возвели они храмы тем, над которыми тяготеет проклятие богов. И порождения древних наводнили землю, и дети их жили долгие века. Чудовищные птицы Лэнга – творения рук их, и бледные призраки, обитавшие в первозданных склепах Зин, почитали их своими Владыками. Они породили На-Хага и тощих Всадников Ночи; Великий Ктулху – брат их и погонщик их рабов. Дикие псы приносят им клятву верности в сумрачной долине Пнот, и волки поют им хвалу в предгорьях древнего Трока».

– Я не знаю, где находится Трок, но волки не могли петь им хвалу, ибо это наши первые предки<sup>27</sup>, и ты, старик, не унижай их тем, будто они смирились перед чужими богами, – произнес встрепенувшийся Бату. – Я тоже люблю сказки, особенно когда они такие страшные. – Хан еще раз передернулся. – Но разве это стоит ста тысяч?

– Стоит, – не согласился с ним Горесев. – Только не сто, а больше, потому что это подлинный «Некрономикон», с помощью которого я могу, например, поднять из могилы твоего великого деда и заставить его делать то, что я хочу. Я могу... Словом, много чего могу.

– Не надо трогать моего деда и вообще касаться мертвецов, – спокойно произнес Бату. – Пусть они покоятся там, где их положили. Но, в конце концов, ты в состоянии наложить на свои драгоценные свитки какие-нибудь чары невидимости, чтобы они преспокойно лежали здесь и дожидались тебя?

– Могу и так, – согласился Горесев. – Дело не в них, а во мне. Я ведь уже сказал, что мое присутствие будет сразу обнаружено. Нас встретят через несколько дней после того, как мы пересечем горы. Поверь, я подвергаю себя очень большой опасности, отправляя твоих лучших воинов тем путем, по которому они выйдут напрямую к оберегу. Их дорога будет лежать совсем рядом с землями Мертвых волхвов. Если они учуют амулеты, которые наденут твои тысячники и сотники, то найти меня по ним не составит труда, и тогда я уже ничего не смогу поделаться. Мне остается только надеяться, что на этот раз ты пошлешь действительно надежных воинов, и они справятся с порученным делом раньше, чем волхвы доберутся до моей пещеры. Тогда и только тогда не они, а я буду сильнее их всех, вместе взятых, – мрачно произнес он. – Если же они не успеют...

– Но мои нукеры, мои кешиктены!<sup>28</sup> – взвился было на дыбы Бату.

– С Мертвыми волхвами не справиться даже мне, не говоря уж о твоих нукерах, – отмахнулся его собеседник. – И твое счастье, что, как бы тяжело ни складывались дела на Руси, волхвы все равно не будут в них вмешиваться и помогать своим соплеменникам, от которых они ушли давным-давно.

– Почему? – вновь не понял Бату.

– Да потому, что одно дело, если твоя сила сломит силу русичей, и совсем другое – если они почувствуют меня.

– Значит, все прахом! – горестно взвыл хан.

---

<sup>27</sup> По монгольским преданиям, все монголы произошли от Бортэчино (Сивого волка) и Гоамарал (Прекрасной лани), которые, переплыв Тенгис (внутреннее море), поселились в долине Онона.

<sup>28</sup> Подразделение отборных воинов кешиктенов, предназначенное для охраны ханской ставки, было учреждено еще Чингисханом в 1206 г. в составе 150 человек. Оно делилось на турхаудов, несших дневную стражу, и кебтеулов, стоявших на посту ночью. Подчинялись они непосредственно самому Чингисхану, и даже рядовой кешиктен имел те же права, что и тысячник.

– Почему же прахом, – удивился Горесев. – Ты зародил в душе молодого князя горькие ростки сомнений, на которых должны вырасти ядовитые плоды братоубийственной войны.

– Это очень долго, – проворчал Бату.

– Что ж, тогда поступай так, как я тебе предлагал в самом начале. Только, учитывая то, что ты согласился подписать с русичами мирный договор, мы с тобой все немного переиначим.

– Мы подсыпем старому волку отраву, – догадался хан, и лицо его осветила плотоядная улыбка. – Только ты дашь мне медленно действующее снадобье, чтобы я успел унести ноги. Скажем, чтобы он умер на третий или четвертый день. И тогда...

– Я тебе ничего не дам, – прервал его мечтания Горесев. – Ты поступишь честно, как и подобает храброму воину. Ты приедешь к нему в крепость без оружия и подпишешь этот мирный договор. Ты повелишь всем своим воинам под страхом смертной казни не нарушать его.

– А как же мой дядя Угедей? – озадаченно спросил хан. – Я ведь уговорил его. Еще в прошлом году на великом курултае он объявил, что воинам пора повернуть своих коней на закат солнца. Он даже согласился с тем, что все они пойдут под моим началом.

Бату обиженно выпятил губы вперед и в этот момент стал удивительно похож на маленького ребенка, которому подарили новую игрушку. Мальчик только начал с ней забавляться, как вдруг ее забрали, внезапно выхватив из его рук. И вот теперь он стоит и не знает, то ли ему заплакать от незаслуженной обиды, то ли попытаться вырвать ее обратно из рук злого дядьки.

– Поход отменять не надо, – сжалился над ребенком «злой дядька». – Все останется неизменным, но сам ты поступишь иначе. Эх, жаль, что ты не умеешь играть в шахматы, – вздохнул Горесев. – Тогда бы ты гораздо лучше и быстрее понял меня. – И он приступил к изложению своего плана.

Когда он закончил говорить, воцарилось долгое тяжелое молчание. Хозяин пещеры терпеливо ждал, что скажет гость, а Бату напряженно размышлял, насколько реально осуществить все это на деле. Кроме того, ему мучительно хотелось отыскать в этом плане хоть какие-то недостатки, пусть маленькие, совсем крохотные, чтобы торжествующе указать на них Горесеву. Однако, как он ни крутил его со всех сторон, изъянов так и не нашел, в чем с сожалением и признался самому себе.

– Ты воистину мудр, – заявил он. – Даже мой хитроумный одноглазый барс с отгрызенной лапой навряд ли додумался бы до такого. Если бы я имел тебя в числе врагов, то я пообещал бы в награду тому, кто принесет твою отрубленную голову, тысячу слитков серебра<sup>29</sup>.

– Я стою гораздо больше, – мрачно заметил Горесев.

– Возможно, – согласился Бату. – Только у меня больше нет. Короче, я бы отдал все, что имею, лишь бы ты не стоял у меня на пути.

– Но тебе нечего меня опасаться, – усмехнулся Горесев. – Ведь мы вместе идем по этому пути.

– Верно, – согласился хан, слегка покривив душой, потому что он опасался Черного человека даже сейчас.

При этом он подумал, что судьбу этого старика можно будет решить и потом, когда он сделает все так, как задумал этот страшный человек. Таких людей смертельно опасно иметь даже в союзниках, ибо сегодня он идет с тобой, а завтра может заступить твою дорогу. Гораздо проще избавиться от него заранее, пока он сам так не поступил.

---

<sup>29</sup> Слиток, или дин серебра – мера веса в средневековом Китае. В одном дине – 1,865 кг, или 50 лян (37,3 г). То есть Бату пообещал почти две тонны серебра.

– И не вздумай что-либо умышлять против меня, – словно прочитав его мысли, сурово громыхнул над самым ханским ухом голос Горесева. – Запомни, войдя в мою пещеру, ты перешагнул невидимый магический круг, соединяющий наши жизни невидимой нитью. Что бы со мной ни случилось, даже если твоей вины в этом не будет, ты не доживешь до следующего восхода солнца. Теперь ты должен беречь меня как зеницу ока.

Бату недоверчиво посмотрел на него.

– Я вижу, ты не веришь мне, – пожал плечами Горесев. – Тогда возьми саблю и убей меня прямо сейчас.

Хан нерешительно взялся за рукоять сабли, но вытаскивать ее из ножен не стал.

– Я и так верю, – глухо произнес он, убирая руку.

– И правильно, – заметил хозяин пещеры. – Здесь, в этом месте ты бы умер даже раньше меня, еще во время замаха.

– А если я умру раньше, то ты тоже не доживешь до следующего восхода солнца? – поинтересовался Бату, чувствуя, как все его тело покрылось тяжелым липким потом.

– Для этого надо было прочесть заклятие слияния, – пожал плечами Горесев. – Оно длинное, да и ни к чему. Зачем мне зависеть от твоей глупой удачи на войне? А если кто-нибудь сумеет угостить тебя ядом? Неужели и мне умирать вслед за тобой? Заклятие присоединения и короче, и лучше. Гораздо приятнее быть уверенным в том, что даже если с тобой что-то приключится, то я от этого не пострадаю.

– Да, это гораздо приятнее, – подтвердил Бату.

«И так случилось, что зимой года цзи-хай, в одиннадцатой луне<sup>30</sup>, в русской крепости, называемой Орен-бург, старший хан Джучиева улуса Бату подписал с уруситами мирный договор и очертил царственным пальцем рубеж своей державы по реке Жани, именуемой уруситами Яик», – красивыми витиеватыми иероглифами записал на синеватом листе бумаги старый хромоногий уйгур и заботливо положил тоненькую кисточку в специальный пузырек с водой.

Тушь, которой он писал, сохла слишком быстро, и это создавало некоторые неудобства для письма – забыл помыть кисточку сразу после работы, и все, считай, надо ее выбрасывать. Запасные же кисти знакомый купец должен был привезти не раньше следующего лета, когда в горах откроются перевалы.

Он еще раз поднес лист чуть ли не вплотную к близоруким глазам и придиричиво взгляделся в него, однако каких-либо изъянов не нашел и удовлетворенно откинулся на спинку маленького стульчика.

Если бы речь шла об очередном взятии какого-нибудь города или о громкой победе монгольского хана, то писарь-уйгур так бы не старался. Но тут говорилось о подписании мира, о котором так любят твердить правители и за который – увы – так усердно сражаются воины.

К тому же, судя по лицу самого хана, он и впрямь остался довольным условиями, а ведь это очень важно. Плох тот мир, который устраивает лишь одну из сторон. Это значит, что он непрочный, а главное – недолгий и продлится ровно до того времени, пока другая сторона не соберет достаточно сил, чтобы снова начать войну.

«Эх, жаль, что я не смог посмотреть на царя Константина, – сокрушенно вздохнул уйгур. – Тогда бы я точно знал, сколько продлится этот мир и не нарушат ли его урус через год или через два».

Если бы старик-писарь мог видеть лицо правителя всея Руси, то он твердо уверился бы в том, что если мир и окажется когда-нибудь нарушен, то русичей в этом винить будет нельзя.

---

<sup>30</sup> 27 ноября – 26 декабря 1239 г.

Святозар и сам не мог припомнить, чтобы отец так бурно проявлял свою радость. Обычно всегда сдержанный, даже суховатый и подчеркнуто строгий в обращении, сегодня царь даже не считал нужным скрывать своего ликования.

– Это же надо, – неустанно повторял он. – Я сколько лет послов туда шлю, и все без толку, а он раз... и все! – И Константин крепко обнял сына. – Проси чего хочешь!

Святозару даже неловко стало. Если по совести взять, то ведь он ничего такого и не сделал. Да и началось-то все с чего – с упущения, с того, что он зарвался. Люди погибли, он сам в плен угодил. За такое не благодарить надо, а карать нещадно.

И потом, положив руку на сердце, если уж хану так хотелось заключить с Русью мир, то неужто он сам послов не прислал бы? Просто совпало так, что как раз в это время в его владениях оказался он, Святозар. Вот хан и не преминул воспользоваться удобным случаем.

Он попытался сказать об этом отцу, но куда там. Разве сумеет человек, пьяный от радости, посмотреть трезвым взглядом? Но и его понять можно. Он ведь столько трудов положил, чтобы обезопасить рубежи своего государства.

Это и впрямь была еще та задачка. Вбить клинья в несокрушимый, казалось бы, гранит великой страны, которую с полным основанием можно было называть даже не государством, а державой, величая самого Чингисхана императором, – да возможно ли такое вообще?!

Но гранитная плита представляется гладкой да однородной лишь неопытному человеку. Опытный каменотес не станет вбивать свои клинышки куда попало – ни к чему зазря расходовать лишние силы. Он вначале проведет по ней рукой, чтоб не просто уловить все шероховатости, выступы и впадинки, а прочувствовать, чем дышит камень, понять, где таится его слабое местечко.

Иногда такое удается с первого раза, а нет, так мастер, не пожалев времени, еще и еще раз неспешно огладит материал, зная, что потом все это окупится сторицей. Ага, вот она – трещинка неприметная. Вроде бы в глубине камня сокрыта и на поверхность выходит лишь неприметным тонким волоском, но имеется. Сюда и надо вбивать клин.

Это бедняки, как правило, живут дружной семьей, потому что делить им нечего. Даже когда родители умирают, раздоры между наследниками происходят очень редко. Спорить из-за ледащей лошаденки, покосившейся хатки, убогого надела земли и пяти курей в хлеву – только людей смешить. Хотя и тут бывает всяко.

Совсем иное дело – богачи. У них, конечно, проблемы иные. У них не суп жидкий – у них жемчуг мелкий и поводов для свары хоть отбавляй. А если ты должен получить наследство от самого Чингисхана, то тут не один повод для раздоров сыщется, а сотни. Это ведь не старый кочевник с десятком баранов и прохудившейся юртой. А каждая тайная обида – это трещинка для будущего клинышка.

Константин занялся этим сразу после своего венчания на царство. Поначалу разработал основные направления, по которым предстояло двигаться. Но двигаться не вслепую – так много не наработаешь. Значит, нужно иметь четкий расклад – кто есть кто, чем дышит и чего хочет, то есть предстояло просто «поводить рукой по камню».

После тщательной подготовки, в лето одна тысяча двести двадцать четвертое от рождества Христова, вместе с купеческими караванами в степь двинулись первые русские посольства, везущие богатые дары. Было их три.

Одно направлялось к самому Чингисхану. Особых надежд Константин на него не возлагал. Навряд ли этот кровожадный садист смирится с тем, что кто-то намылил его воинам холку. Если он сразу не положит все посольство в отместку за своих, убитых в Киеве, – уже неплохо. Коли удосужится выслушать – хорошо, а снизойдет к некой незамысловатой просьбе – и вовсе прекрасно.

Сама просьба должна была исходить не от царских послов. Если перед всякими бандюками шапку ломать, то они от этого, почуяв слабинку, лишь еще больше обнаглеют. Так что у них для этого упыря были только предложения. А просьба должна была носить исключительно частный характер. Просто один любознательный человек из посольской свиты пишет летопись славных и героических деяний всех государей.

Старики порой любопытны как дети. Должен Чингисхан заинтересоваться, что тот уже написал, непременно должен. Ну а после того, как он услышит о «великих» свершениях западных королей, состоящих в том, что две с половиной сотни рыцарей одного маркграфа отлупили целых полторы сотни другого пфальцграфа, ему самое время возмутиться. Мол, какие же ничтожные деяния ты описываешь, глупец, когда я тут сотнями тысяч орудую, сотнями тысяч в плен беру, а уж вырезаю, когда очередной город захватываю, и вовсе бессчетное количество!

Вообще-то, оно и справедливо. Мелкие бандиты, значит, упомянуты в летописи, а он, не просто большой, но самый главный негодяй, – нет. Есть от чего возмутиться.

А тот ему в ответ: «Тогда дозвожь, государь, близ тебя остаться, чтобы все это записать, дабы и твои великие деяния навечно остались в людской памяти, чтобы люди не обогали их со временем, не умалили их величие».

Примерно так оно и случилось на самом деле. Послы возвратились ни с чем, если не считать ответного письма к государю Руси. В нем потрясатель вселенной приказывал Константину не потакать кипчакам, которые есть не более чем «монгольские конюхи и слуги», не мешать великим степным воинам и привезти дань за урон, который понесен его полководцами. Иначе он сам придет за этой данью, и тогда будет намного хуже.

Да пес с ним, с этим повелением. Послы вернулись живыми – и ладно, и хорошо. На большее Константин и не рассчитывал, а зря, потому что спустя несколько дней после их отъезда великий владыка как бы между прочим заметил Субудая:

– А ведь я был прав, когда говорил тебе, что не следует спешить. Каан урусов умен и хочет мира. Он понял, что может разбить кого-нибудь из моих багатуров и нойонов. – Он насмешливо прищурился, но полководец, стоящий перед ним, сделал равнодушный вид, словно не понял явного намека, и несколько разочарованный Чингисхан горделиво продолжил: – Но со мной ему никогда не совладать. Мы дадим ему время, чтобы он обдумал наши слова и повиновался им. К тому же собрать дань с такой большой страны – дело долгое, так что ни к чему нам спешить с войной. Зачем лезть на дерево за яйцом, если птичка скоро сама принесет его.

В ответ одноглазый барс с отрубленной лапой желчно заявил, что змея всегда ласково шипит, перед тем как ужалить, но эти слова не возымели действия и не повернули мысли Чингисхана на более воинственный лад, тем более что голова правителя была занята тангутами.

Константина же радовало то, что его человек остался при ставке великого воителя. Значит, двухлетние труды не пропали даром, и теперь хромой Ожиг, которого в свое время люди Вячеслава освободили из половецкого полона, добросовестно выполнял свою нелегкую, но такую полезную работу по сбору всевозможных сведений.

Лопухий хромой русич со смешным лицом, пальцы которого были постоянно перепачканы чернилами, Чингисхану понравился. Мало того, что он, несмотря на юные годы, умел правильно слушать, то есть вовремя цокал языком от восторга, вовремя восхищался, вовремя горевал по погибшим воинам. Он вдобавок еще и хорошо переносил слова повелителя вселенной на бумагу, ухитряясь выстроить их даже лучше, чем они звучали в устах самого хана.

Порою, сидя рядом с ним, он хоть и ненадолго, но ощущал себя прежним простым мальчишкой Темучжином. Пускай зачастую он вспоминал и нечто постыдное, например,

как до одури боялся собак или как молился на горе Бурхан-халдун, когда, в панике бросив молодую жену на произвол судьбы, бежал от набега тайджитов и меркитов.

Хан сам досадовал на себя, припомнив, из-за какой нелепости убил своего брата Бектера, за что родная мать обозвала Темучжина чудовищем, а в другой раз улыбался, вспомнив, что в конце концов он отомстил всем своим врагам.

О мести он вспоминал особенно часто. Он вообще любил своих врагов, кроме тех, которые успели умереть раньше, чем их настигла его карающая неумолимая длань. Он любил их так сильно, что с удовольствием согласился бы, чтобы они ожили. Тогда он сумел бы убить их еще раз.

Но Чингисхан рассказывал далеко не все из того, что припоминал, ибо есть знания, носитель которых обречен на смерть, а урус был нужен великому воителю. Он даже разрешил ему заходить вместе с ним в заветную старую юрту, где вспоминалось лучше всего.

«Потом – да, потом он конечно же умрет, – думал Чингисхан. – Но только после моей смерти. Пока же пусть слушает».

К тому же урус умел рассказывать красивые занятные сказки о былых временах, о славных богатырях и невиданных чудесах. Пускай из него никогда не выйдет добрый воин – ну и что ж. Но то, что он умел делать, он делал мастерски.

Да и имечко у него было подходящее – Ожиг. Человек с таким именем не должен таить в себе коварных злобных мыслей, потому что священный огонь, которому он посвящен с рождения<sup>31</sup>, никогда не позволит осквернить себя.

Ожиг и впрямь не таил дурного. Он просто записывал все, что доносилось до его ушей, а попутно составлял родословную самого Чингисхана, живо интересовался его предками и родичами, уверяя, что вся родня великого воителя заслуживает упоминания в его летописи.

Всемогущий владыка монголов не знал лишь того, что каждую страничку, исписанную мелким почерком, Ожиг по вечерам перебеливал не в одном, а в двух экземплярах.

Да и то – какой от этого вред? К тому же в его записи никто ни разу не заглядывал. А если спросили бы, то немедленный ответ не заставил бы себя ждать: «Всегда лучше иметь два листа. Случись что с первым – останется другой, и труд не пропадет даром».

Он писал и ждал. Ждал каждый день и каждый месяц, несмотря на то что его сразу предупредили, что раньше чем через три года его отсюда никто не заберет. Иногда дни летели – не оглянуться, а порой тянулись уныло, как верблюды через пустыню. Особенно тягостно было поздней осенью.

В эти дни ему с особенной тоской вспоминалась Берестяница<sup>32</sup>, которая после известия о гибели Любима первый месяц вообще ни с кем не разговаривала – думали, уж не тронулась ли баба умом. Потом немного отошла, но все равно чуралась людей. Так, парой слов перекинется, и все.

Ожиг, который за время, проведенное в полоне, успел лишиться всех родичей, – нет, постарались не половцы, а люди князя Всеволода Большое Гнездо, – поначалу ее жалел и даже несколько восхищался такой верностью. К тому же она приходилась ему единственной, хоть и очень дальней родней, так что с ним-то Берестяница как раз общалась, хоть и немного.

Ее доверие простерлось даже до того, что она согласилась на его настойчивые уговоры научиться грамоте и освоила больше половины буквиц.

А потом как-то раз, уже отъезжая с князем Константином – лучше Ожига на языке половцев никто говорить не мог, и потому рязанский князь всегда брал его с собой, – парень вдруг с удивлением обнаружил, что в родной Березовке ему ни с кем так не жаль расставаться, как с Берестяницей.

---

<sup>31</sup> Ожиг – пламя (ст.-слав.).

<sup>32</sup> Об этой девушке подробнее см. «Око Марены».

Правда, о своих чувствах он осмелился заикнуться лишь раз, перед самой отправкой в степь. Да и то – какие там чувства. Ожиг просто спросил, не может ли она, если к ней кто-то присватается, пока он будет в отлучке, не давать сразу согласия, а совсем немного подождать до его возвращения. Спросил, а сам побоялся даже взглянуть на нее. Так и стоял с багровым от смущения лицом, уперев глаза в землю.

Берестяница уже открыла рот для гневной отповеди, но так и не произнесла ни словечка. Она и сама не могла понять, что же ей помешало. В одночасье навалилась какая-то слабость, да еще нахлынула сладко щемящая боль внизу живота. Немного помолчав, она вздохнула и лишь вымолвила тихонько:

– Ты бы не спешил такими просьбами бросаться. Я тебя, почитай, на два лета старше, если не на три. Нешто тебе девок юных мало?

Тогда только и посмотрел на нее Ожиг. Посмотрел и диву дался. Оказывается, не он один под стать своему имечку ликом полыхает, хоть лучины поджигай. Берестяница тоже вся зарделась. Неужто она... Но тут, как на грех, подъехали люди Константина, мол, пора отправляться, сам государь тебя ждет.

А когда он шел, услышал тихое:

– Я обожду...

Ожиг даже споткнулся от таких слов на больную ногу, так что не он на коня садился, а дружинники его в седло водрузили, как старую квашню. Ох и осрамился! Это ж Берестяница увидела, что за жених к ней присвататься решил – с конем совладать не может! Обернулся – так и есть, стоит, усмехается – и полоснул плетью наотмашь ни в чем не повинного жеребца, чтоб вскачь и куда подальше. Пропади ты пропадом, жизнь злосчастная.

Потом, уже по дороге в степь, до него дошло, что ведь совсем ничегошеньки не сказал ей, да и срок не назвал – на сколько он уезжает. Неотступная мысль об этом преследовала его все то время, что послы жили в ставке Чингисхана. Перед их отъездом он, правда, осмелился и изложил свою просьбу хмурому боярину Лазарю. Мол, упредить бы ненароком, что не на месяц отлучка его и даже не на год. Да и кто знает, вернется ли он вообще. Так что пусть она сама решает, только ведает, что он ее всю свою жизнь до самого последнего вздоха не забудет.

Правда, последнюю и решающую фразу произнести у него язык не повернулся – это он уже в грамотке отписал. И опять дурень забыл, что сам же Берестяницу буквицы учил разбирать, да так и не успел. Снова на душе расстройство. Да и на что ей Ожиг сдался? Вон как она усмехалась, когда дружинники подсаживали его на коня.

Теперь же, сидя в юрте и под заунывный вой ветра неспешно выписывая свои буквицы – чтоб одна к одной, – впервой подумал: «А может, и не усмехалась она вовсе? Может, просто улыбнулась по-доброму, а я худое возомнил?»

Но от таких мыслей ему еще сильнее захотелось домой, в Березовку, а ждать оставалось не меньше двух с половиной лет, да и то если следующее посольство прибудет вовремя, а если нет?..

Он вздохнул, протянул, не глядя, свободную руку к чашке, ошупью ухватил горсточку изюма, бросил в рот и еще проворнее заскрипел пером по белоснежному листу самаркандской бумаги.

Буквицы становились одна к одной, складываясь в строки: «А исчо у великого Чингисхана имеются младшие братья. Я слышал про троих. Именуют же их Джочи-Хасар, Тэмугэ-отчигин и Белгутай-нойон, кой оному Чингисхану токмо единокровный, но любит он его пуще прочих. У первого из них ведомы мне шесть сынов – Агулдар с сыном Жиркитаем, Туку с сыном Эбугеном, Есунгу с сыном Амаканом. Еку имеет двоих – Тайтака и Харкасуна, Каралджу пока вовсе молодой и Курджи тоже, но евоная баба уже на сносях. А у Белгутай-нойона я слышал токмо про Джауту...»

Тут он остановился и нахмурился. «А чей же это Джаута будет? Не спутал ли я? Может, он сын Тэмугэ-отчигина?»

Он плюнул с досады и проворчал:

– Вот же нелюдь нерусская. И удумают себе имечки подобрать – не разберешь ничего. Да православный человек собаку так не наречет, – однако зачеркивать ничего не стал, вовремя вспомнив, что ошибки нет и написано все правильно.

«Пишу и пишу, – вновь поползли унылые мысли. – Уже с полгода пишу, а государь возьмет да и запомнит, что им тут такой Ожиг оставлен».

Он еще раз тоскливо вздохнул и вновь взялся за перо. Буквица к буквице, строка за строкой, изо дня в день, из месяца в месяц...

На самом деле Константин не запомнил. Однако Ожиг, сам того не ведая, вел стратегическую разведку, рассчитанную на долгие годы. С ним спешить было нельзя, особенно сейчас, после того, как от русичей потребовали дань. Лучше уж в следующий раз появиться там после смерти Чингисхана. Поэтому Константин больше помышлял об остальных двух посольствах, направленных им к Джучи и Джагатаю.

Договориться со старшим сыном Чингиза Джучи шансы были. Константин не без оснований предположил, что у сынка со своим суровым папашкой непременно имелись какие-то конфликты, причем достаточно серьезные. Ничем иным нельзя было объяснить то обстоятельство, что после завоевания Средней Азии он получил так мало, ведь при дележке ему достались глухие степи, Арал с прибрежными солончаками да увесистый кусок южной тайги. И это первенцу!

Причем Чингисхан официально вроде бы не обидел своего старшего сына, отдав ему столицу громадного Хорезмского государства Гургандж<sup>33</sup>. Только вот от некогда цветущего города теперь осталось практически одно название. После того как были взломаны дамбы на реке Джейхун<sup>34</sup>, он целиком ушел под воду, а над речной гладью возвышались лишь самые высокие башни и купола минаретов. По слухам, вода эта до сих пор не спала, не торопясь расставаться с захваченной землей.

Потому Джучи и избрал в качестве столицы маленький полуразрушенный Сыгнак, стоящий на Сейхуне, что больше ни одного приличного города в своих владениях не имел. А что такое этот Сыгнак по сравнению с той же Бухарой или Самаркандом? Пигмей, не больше. Его иначе как медвежьим углом и не назовешь.

То ли дело Джагатай. Пусть он и не объявлен наследником, но зато оторвал себе практически все обильные людьми города Мавераннахра и земли кара-киданей.

Да и Тули, четвертый сын, не остался в обиде. Ему в долю, как младшему, по монгольскому обычаю, досталось родовое гнездо, то есть коренной монгольский улус. А уж про Угедея – наследника – и вовсе говорить не приходится. Верховный каан!

«Эх, знать бы, из-за чего папка на Джучи окрысился», – мечтательно вздыхал Константин.

Возможных причин отцовского гнева было несколько. Одна из них заключалась в том, что сынок был живым укором для него, ведь молодой Темучжин не сумел уберечь свою жену от меркитского плена, а отбил ее потом, причем беременную. Когда Чингисхан обсуждал с сыновьями вопрос наследства, злобный Джагатай откровенно заявил, что не станет подчиняться сыну неведомого меркита.

Другая заключалась в том, что у отца и сына были разные взгляды на отношения с завоеванными народами. Сын предпочитал действовать кнутом и пряником, а отец вообще

---

<sup>33</sup> Гургандж – так назывался современный Ургенч.

<sup>34</sup> Джейхун – так называлась Амударья.

не считал нужным баловать сладостями новых подданных. Эта причина, при условии, если только она истинна, была бы наиболее благоприятной.

Но имелась еще и третья, самая худшая. Джучи, больше всех похожий на отца, как ростом, так и манерами поведения, мог быть отодвинут в самый дальний угол огромных отцовских владений из-за того, что Чингисхан подозревал своего первенца-приблуду в возможном перевороте. Особенно после того, как официальным наследником был объявлен веселый беззаботный Угедей.

В этом случае тоже все сходилось. Попробуй-ка собрать в этой глуши войско. Умучаешься. А сколько времени дорога займет? Половины пути не пройдешь, как суровый батька на пути объявится, а у него шлепком по попке не отделаешься.

Вот все это и предстояло выяснить наверняка, памятуя, что Чингисхан, очевидно желая утешить Джучи, подарил ему право покорить все земли, лежащие западнее его владений, то есть половецкие степи, Волжскую Булгарию, Русь, ну и прочую мелочь, вроде Европы.

Прояснилось это довольно-таки быстро, но, к сожалению, далеко не лучшим образом. Послы, вернувшиеся из Сыгнака, только смущенно разводили руками. Надменный Джучи даже не стал с ними разговаривать, заявив, что он может принять только самого хана Константина, да и то лишь с веревкой на шее<sup>35</sup>.

Текст грамотки, привезенной ими, гласил то же самое: «Если ты подчинишься, то обретешь доброжелательство и покой. Если же посмеешь поднять на своего хана меч, то лишь бог всевечный знает, что тогда с тобой будет».

Правда, внизу был оттиск синей, а не красной печати<sup>36</sup>. Ну что ж. Как говорится, и на том спасибо. Следовательно, верной причиной размолвки отца с сыном оставалось признать третью. Жаль, конечно, но что уж тут поделаешь.

Вопреки ожиданию послов, несколько опасавшихся реакции государя на это унижительное изгнание и на оскорбительный текст грамотки, весь гнев Константина обрушился на высокомерного Джучи. Сурово подняв вверх руку, царь громогласно, в присутствии всего своего Малого совета, пообещал, что не пройдет и года, как кара божья непременно обрушится на того, кто осмелился так пренебрежительно разговаривать с его посланниками.

Некоторые из присутствующих отнеслись к этому проклятию скептически, решив, что тут царь, несомненно, перебрал, тем более что, по рассказам тех же послов, Джучи был в самом соку – лет сорок, не больше, да и здоровье у него крепкое, лучше не пожелаешь.

Когда же через два года заезжие купцы привезли на Русь весть о том, что старшего сына Чингис-хана больше нет на свете, Константин напомнил усомнившимся о своем проклятии:

– Выходит, дошли мои слова до всевышнего. Милосерден господь к нам, грешным, но и его терпению наступает конец. Но Джучи сам виноват – негоже посланников божьего помазанника в шею со двора прогонять.

Никто не проронил ни слова, лишь простодушный Добрыня Златой пояс изумленно крикнул, выражая общую реакцию присутствующих.

Позже всех прибыло третье посольство. На обратном пути их дважды грабили, невзирая на охранные грамоты, на которые местному разбойному люду было равным счетом наплевать, равно как и на самого Джагатая.

Затем, в довершение всех бед, они еще и заблудились в горах, спасаясь от преследования очередной бандитской шайки, и лишь чудо спасло их от смерти.

---

<sup>35</sup> Веревка на шее – знак безусловной покорности, говорящий о том, что пришедший целиком передается на милость того, к кому он явился, сознает свою безмерную вину и со смирением готов принять за нее любую кару вплоть до смертной казни.

<sup>36</sup> Синяя печать ставилась на документы, отправляемые к правителям независимых государств, а красная – на все прочее, включая правителей тех народов и стран, которых монголы считали за своих слуг, пускай и будущих.

Помогала золотая пайцца с изображением кречета, извлекаемая в самые критические моменты, наступавшие у них трижды, потому что преодолев горный перевал, они тут же оказались лицом к лицу с воинами Чагатая, настроенными весьма и весьма решительно. А потом люди второго Чингизова сына еще раз повстречались на их пути. И еще...

По прибытию все послы разом бухнулись в ноги государю, благодаря его за маленькую золотую пластинку, которая не раз уберегала их от неминуемой гибели, а сам Константин вспомнил добрым словом купца Ибн аль-Рашида, у которого он ее добыл, и спецназовцев Званко и Жданко, с чьей невинной шалости и началась та давняя история<sup>37</sup>.

Но царь напрасно надеялся на то, что хоть третье посольство привезет что-то утешительное. Им также не удалось добиться успеха. Джагатай не собирался вести какие бы то ни было переговоры за спиной отца. Мало того, он еще напомнил русичам про убийство монгольских послов в Киеве.

Чингисхан не зря именно его назначил хранителем Ясы. Джагатаю, склонному к откровенному садизму, доставляло несказанное удовольствие судить своих же людей по ее суровым законам и девять десятых из них обрекать на мучительную смерть.

Правда, справедливости ради надо заметить, что если Яса в отношении какого-либо поступка говорила иное, то Джагатай поступал честно. С теми же русскими послами едва не приключился казус, когда они у себя на подворье «неправильно» зарезали барана, а кто-то, увидевший столь вопиющее нарушение, поторопился донести об этом, рассчитывая на неплохую мзду<sup>38</sup>.

Разбирательство длилось целый день. Лишь к вечеру Джагатай пришел к выводу, что послы совершили это по причине незнания, а потому к ним надлежит применить иное положение Ясы. Короче говоря, бояре отделались испугом, хотя и не сказать, что легким.

А потом пришел черед Ожига. Забрали его из Каракорума аж через пять лет – раньше никак не получалось. Но в качестве компенсации Константин заверил парня, что самолично станет его сватом. Пусть Берестяница попробует устоять, когда к ней пожалует сам государь с нарядным рушником, перекинутым через плечо. Однако вначале надлежит сделать дело, а уж потом царь отпустит его до самого лета.

Вдохновившись такой радужной перспективой, Ожиг без умолку трещал целых три дня, поясняя и растолковывая сведения, занесенные мелким бисерным почерком на бумажные листы.

– А вот тут ты пишешь, что Темуге-отчигин трусоват, хотя и жаждет власти. Почему так решил? – следовал вопрос Константина.

– А сыны Джочи-Хасара довольны таким разделом? – это уже спрашивал боярин Коловрат.

Едва успев ответить, Ожиг получал еще один вопрос, опять от царя, затем еще, следовавший от молодого, но дородного боярина по имени Любомир, затем еще... Словом, дней пять он вертелся, как карась на сковороде, аж упарился.

Правда, государь не обманул, сосватал Берестяницу, как и обещал.

– А я и без царя согласная была, – тихонько шепнула ему на ухо смущенная невеста, отчего Ожиг еще больше возликовал, купаясь в потоке счастья.

Медовый месяц длился у Ожига целых полгода – и здесь Константин сдержал свое слово, а потом вновь последовало дальнейшее путешествие в составе очередного посольства, правда, на сей раз уже первым помощником у возглавлявшего его боярина Липня. Потом

---

<sup>37</sup> Об этом подробнее см. книгу «Око Марены».

<sup>38</sup> В Ясе по этому поводу указано, чтобы «не резали барана, а рассекали им по обычаю монголов грудь, и всякого, кто зарежет барана... убивать таким же способом, а его жену, детей, дом и имущество отдавать доносчику» (об этом говорится у Рашид ад-Дина).

было еще одно, затем еще, на которое Ожиг ехал уже в чине боярина, но ощутимых результатов по-прежнему не было, да и не могли они проявиться вот так сразу.

После того как клин вбивается в трещину и поливается водой, нужно время, чтобы разбухшее дерево углубило раскол в каменной глыбе. Иной раз на это хватает часов, а подчас мало и суток.

Но то простой камень. Для гранитной плиты монгольской державы нужны были годы и годы. Во всяком случае, один вывод напрашивался сам собой – пока Угедей жив, все прочие будут ходить под ним и раскола ждать глупо. А вот когда его не станет – тут уже как посмотреть.

Очень ограниченное число людей знало, что клинышки, вбитые Ожигом, ко времени смерти Угедея непременно дозреют. Надо только дождаться кончины третьего сына Чингисхана. Остальные же знали иное. Государь просто так боярскую шапку никому не вручает. Раз дал, значит – по заслугам.

Ожиг и впрямь ее заслужил, потому что сделал все, что было в его силах, выполняя задачу Константина – пока Угедей жив, оттянуть падение империи чжурчженей. Пусть каан обращает поменьше внимания на север и гораздо больше – на юг, а также на запад.

Рассказы боярина Ожига Станятовича о неисчислимых сокровищах индийских государей так вскружили голову приближенным великого каана, да и ему самому, что Угедей, оторвав от боевых действий в империи Цзинь несколько туменов, направил их на Делийский султанат, тем более что путь туда был не нов. В свое время, сразу после разгрома основных войск государства хорезмшахов, там уже побывали воины Чингисхана, дойдя до Мультана, Лахора и Пешавара.

Однако правитель Кашмира Раджадева, вовремя предупрежденный купцами и тоже не без участия Константина, и владыка Делийского султаната Илтутмиш сумели оказать достойное сопротивление. Первые два тумена нашли свою бесславную кончину в Хайберском проходе, ведущем из Кабула к Пешавару. Следующие два – чуть дальше, в междуречье Чинаба и Джелама, еще на подходе к древнему Лахору, который, по преданию, основал сам легендарный Лох – сын Рама Чандры, чьи подвиги воспевались в «Рамаяне»<sup>39</sup>.

Лишь третья по счету экспедиция сумела взять Лахор, Мультан, Нагаркот и Дибалпур, расположившись на самом южном притоке Инда Сатледже и готовясь к решающему прыжку на Дели и города, стоящие в верховьях Ганга. Но тут пошел сезон дождей, в стане завоевателей начались эпидемии, из-за чего монголам вновь пришлось отступить.

Благодаря всему этому падение империи Цзинь было несколько отсрочено, чего и добивался Константин, зная, что, пока она не рухнула, Угедей никогда не даст свои войска в помощь сынам Джучи.

Однако, несмотря на весь титанический труд и отвлечение части сил каана монголов, прогнившее северо-китайское государство все равно погибло и теперь было неизвестно, чего ждать от Угедея, но вдруг, как подарок судьбы – мир с Бату, который заключался не просто по согласию хана, но и по его инициативе. Ну как тут не радоваться, как не веселиться.

– Батюшка, я только об одном твоего дозволения хотел испросить, – несмело начал Святозар, решив воспользоваться подвернувшейся оказией.

– Никак о женитьбе речь поведешь? – угадал Константин. – Неужто доселе не передумал дочку мельника под венец повести? – И на его лицо набежала легкая, еле заметная тень неудовольствия. – Нешто и впрямь она краше всех тех, о ком я тебе рассказывал?

– Не передумал, – подтвердил Святозар, подумав: «Знал бы ты, государь, что не просто не передумал, но не далее как полгода назад, когда ты вызывал меня к себе, уже и сводил».

---

<sup>39</sup> Рамаяна – древнеиндийская эпическая поэма на санскрите. Приписывается легендарному поэту Вальмики.

Но говорить об этом сейчас было бы глупо. Вначале надо получить разрешение. Это гораздо важнее. Тогда получится, будто он обвенчался с ней вроде как и не самовольно. А если сказать, то государь может и осерчать. Не с теми невестами отец в мыслях его судьбу связывал, ох, не с теми.

– Ну, раз не передумал, значит, это любовь, – констатировал вновь заулыбавшийся – пасмурное облачко оказалось небольшим – Константин. – Говорят, что она от бога, а разве можно божьему велению противиться?! Женись, сын, коли так!

Видя такое бесшабашное настроение отца, князь уже открыл было рот, чтоб сказать, что он уже женился. Теперь-то, поди, можно, государь своего слова назад не возьмет. Но подходящий момент был упущен. Константин повернулся к своему воеводе, продолжая неоконченный разговор.

«Ладно уж. В другой раз скажу», – довольно подумал Святозар, оставляя государя наедине с Вячеславом.

– А ты не рано ли ликуешь? – попытался внести трезвую мысль воевода, когда Святозар вышел. – Вспомни, что говорил Торопыга. И про курултай заодно, на котором поход объявили. А на кого поход-то?

– Так ведь я не собираюсь ни войска с рубежей снимать, ни крепости рушить, – улыбнулся тот другу. – И Бату только в одном верю. Ему главное – время выгадать, спину свою уберечь. Я даже не верю, что он на братьев собрался идти. Может, совсем иное у него в мыслях. Да разве в этом дело?! Мы из него два-три года выжали – вот в чем суть!

– А потом?

– Потом должны умереть Чагатай и Угедей, и тут у наших степных друзей начнется такое веселье, что им будет уже не до Руси! – чуть не выкрикнул Константин, не в силах сдерживать переполняющие его чувства.

– Это ты с господом богом договорился? – уточнил воевода. – Или люди Торопыги сработают?

– Да нет, все гораздо проще. Я в свое время историков наших много читал, вот кое-что и запомнилось, в том числе и даты их смерти. Они как раз на следующий год приходятся, причем сразу у двоих.

– А ты помнишь, что этот мир вроде бы наш, а вроде бы и не совсем? – не отставал Вячеслав. – Вон и Калка по летописи произошла в одно время, а на самом деле совсем в иное. Чуть-чуть не влетели. Гляди, чтоб мы во второй раз на те же грабли не напоролись, – предостерег он.

– Так я же не призываю совсем расслабиться. Бдить будем в оба, а зрить – в три, – весело подмигнул Константин.

– Ох, гляди, как бы твоя радость боком не вышла, – вздохнул Вячеслав. – Чую я, что крутит он, гад, только не пойму, что задумал. Уж больно он хитрожо... гм, короче, тот еще кадр.

– Так ведь и у нас на его хитрое седалище кое-что с винтом сыщется, – подмигнул Константин.

– Сыщется-то оно сыщется, – хмуро пробормотал себе под нос воевода. – Боюсь только, что оно у него с закоулками, и куда винт вставлять – поди разбери.

\* \* \*

И приложиша длань свою к харатье мирной сам государь земли русския, ибо возжелаша он мира и покоя в державе своя и позабыта слова

писания, кое гласит: «Кто скоро доверяет, тот легкомыслен и возможет быти обманутым».

*Из Владимирско-Пименовской летописи 1256 года*

*Издание Российской академии наук. СПб., 1760*

## Глава 5

### Помощь «другу»

*Правдивый свет мне заменила тьма,  
И ложь меня объяла, как чума.*

*Уильям Шекспир*

Святозар, не раз проинструктированный и воеводой Вячеславом, и Торопыгой, и Евпатием Коловратом, не говоря уж об отце, бдительности не терял, особенно в первое время.

Однако Бату вел себя весьма дружелюбно. Он по-прежнему частенько посылал к Святозару гонцов, вызывая друга для приятного времяпровождения. Более того, хан не раз предупреждал князя о том, что вот, мол, не сегодня-завтра придут в эти места тумены, посланные его дядей Чагатаем, вместе с которыми он собирается ударить по братьям, злоумышляющим против него.

А пока войска дядюшки задерживались, Святозар и сам получил наглядное доказательство того, что ближайшие родичи Бату строят против него козни. Это произошло, когда хан повез князя на охоту.

Случилось так, что они остались почти одни, не считая двух десятков ханских телохранителей. Воины, налетевшие на них, по своему внешнему виду практически ничем не отличались от ханских, но зато их оказалось очень много. Так много, что принимать бой было безумием. Спасти могло только бегство.

Нападавшие сходились двумя клиньями, истошно визжа на скаку «Орду! Орду!» – слева и «Шейбани! Шейбани!» – справа. Не надо было быть стратегом, чтобы понять – их хотят взять в клещи, чтобы потом раздавить наверняка.

Бату затравленно посмотрел по сторонам в надежде, что сможет увидеть своих воинов, участвовавших в большой облаве, но затем, коротко выругавшись, махнул своим нукерам, давая команду уходить. Отчаянная скачка длилась недолго. Уже через несколько минут стало понятно, что кони монголов, поджидавших хана и его телохранителей в засаде, намного свежее. Расстояние до беглецов с каждым мгновением сокращалось все больше и больше.

Наконец в их сторону полетели первые стрелы, и раздались жалобные крики раненых. То один, то другой воин на полном скаку вылетал из седла, падая в густую траву, которая никогда не бывает в степи такой высокой и сочной, как по весне. Святозар почувствовал, как две стрелы ударились в его кольчугу и беспомощно отскочили от металла. Изделие ожских кузнецов пока спасало своего владельца.

«Пока. До поры до времени», – мелькнуло в голове Святозара, но он отогнал эту мысль прочь, чтоб не мешала.

О том, что спасение маловероятно, скорее всего, подумал и хан, скакавший рядом. Выпрямившись в седле, он бросил двум нукерам:

– Князя сберегите. Чтоб ни один волос с его головы не упал. А я их задержу, – и, резко поворачивая коня влево, бросил на прощание, смешно коверкая трудное русское имя: – Удачи тебе, Свитозара. Помни, что...

А вот дальше князь не разобрал. Ветер унес последние слова Бату. Святозар поначалу попытался было устремиться следом за ханом – негоже гостю бросать хозяина в такой трудный час, но повернуть не смог. Два нукера, скакавшие бок о бок со Святозаром, выполняя ханский приказ, не дали ему ни малейшей возможности это сделать.

Погоня и впрямь отстала, устремившись следом за Бату и не обращая внимания на трех всадников, беспрепятственно добравшихся до становища, которое через минуту встревоженно загудело, словно пчелиный улей. Тут же почти тысяча воинов, во главе которых

скакал Святозар, вихрем вылетела туда, куда ускакал хан с оставшимися в живых телохранителями.

Впрочем, скачка длилась недолго и закончилась радостной вестью, которую принесли всадники, высланные в передовой дозор. Оказывается, как рассказал все тот же Бурунчи, не уставая восхищаться своим ханом, Бату, даже в такой критический момент не потерявший самообладания, увел погоню именно в ту сторону, где предположительно должно было быть не меньше полусотни его воинов. Так оно и случилось.

Кроме того, высоко в воздух немедля взлетели три горящие стрелы, оставляя за собой отчетливый черный след дыма – знак тревоги и немедленного сбора. Повинуясь этому сигналу, хорошо различимому на расстоянии нескольких верст, со всех сторон к хану потянулись воины-загонщики, бросив облаву и выпуская зверье из смертоносного кольца.

Было их не так уж много – всего-то сотни три, но нападавшие, прекрасно сознавая, что совсем скоро из основного лагеря прибудет гораздо более существенная поддержка, после короткой жаркой схватки подались прочь, бесследно теряясь в степи.

Сам Бату оказался ранен в трех местах, но главное – жив. Лекарь успел наскоро перетянуть раны, и только пятна крови, выступившие на повязках, показывали, что они далеко не пустячные, хотя хан и утверждал обратное.

– Теперь ты сам видишь, как далеко у нас зашло, – морщась от боли и осторожно вытягивая левую раненую ногу поудобнее, заметил он князю.

Святозар понимающе кивнул, прикидывая, что именно, но главное – как именно сообщить отцу о сегодняшних событиях.

«Теперь государь непременно повелит мне не удаляться далеко от берега Яика и вообще наложит запрет на участие в любой охоте, – грустно думал князь. – А может, вообще ничего не сообщать? – пришла ему в голову спасительная мысль. – И то правда. Хан-то живехонек, я тоже, так к чему батюшку напрасно пугать?! Решено!»

– Ничего-ничего, – мрачно вздыхал тем временем Бату. – Скоро сюда придут тумены Чагатая, и тогда мы посмотрим, кто станет править. Вот только боюсь, что их сил не хватит. Как ты мыслишь, князь? – спросил он задумчиво. – Стоит ли мне дожидаться помощи, которую должен прислать великий каан Угедей? Конечно, тогда я их одолею наверняка, но Орду и Шейбани тоже будут уверены в том, что с малыми силами я побоюсь выступить навстречу их жалким туменам. Выходит, если я нападу только с теми, кого мне пришлет Чагатай, то для моих братьев это станет неожиданностью. Скажи, как поступил бы ты сам на моем месте?

Князь вздохнул, неторопливо пошевелил большой головней в костре, отчего пламя вспыхнуло еще ярче, и тихо произнес:

– Для начала я бы попытался замирился с братьями.

– Чтобы жить в постоянном ожидании отравы или стрел, которые осенней или зимней ночью пришлют меня прямо к кошме...

– А если они опасаются получить то же самое от тебя? – перебил его Святозар. – Не лучше ли поначалу встретиться с ними и попробовать решить все миром? Братья ведь.

Бату насмешливо крякнул и поучительно заметил:

– У чингизидов нет братьев. Есть только соперники. И кто думает иначе, тот долго не живет.

– Тогда думай сам, что окажется для тебя более выгодным – либо воспользоваться неожиданностью, либо бить, когда этого ждут, но все равно ничего не смогут поделать против твоих полков, – произнес Святозар. – Что из этого лучше, я не знаю.

– Ты уже ответил, сам того не подозревая, – хищно оскалился Бату. – Одолеть врага, пользуясь тем, что у тебя больше воинов, можно, но настоящий багатур поступит иначе. Он ударит малыми силами, но тогда, когда его не ждут, – смакуя каждое слово, произнес хан. – Хоп. Ты здорово мне помог. Вот только тумены Чагатая, – протянул он задумчиво и вновь

нахмурился. – Здорово было бы, если бы половине или трети из них можно было перейти Яик, дабы их кони не передохли от голода.

– Если хочешь, я опишу государю о твоей просьбе, – предложил Святозар.

– Нет, – решительно произнес Бату после недолгого раздумья. – Друг не должен досажать другу своими просьбами. Степь довольно большая, хоть и с трудом, но мы в ней разместимся. И помни, князь, когда ты увидишь на берегах реки множество воинов, то это – мои люди, которые всегда придут на помощь лучшему другу своего хана. Не сразу, – тут же оговорился он. – Сперва я уведу их на восход солнца, чтобы разобраться со своими врагами. Зато потом ты можешь полностью рассчитывать на мои тумены.

– Они мне пока не нужны, но я все равно благодарен тебе за помощь, – учтиво ответил Святозар.

– Пока не нужны, – многозначительно подчеркнул Бату. – Только Вечному небу ведомо, что будет завтра и кому солнце осветит грядущий день. Я верю, что мы оба созданы для великих свершений.

Окровавленные повязки хан сорвал с себя, едва князь убыл обратно в крепость. Срывал он их небрежно, можно сказать, грубо, причем даже не морщился от боли, которую неминуемо должно было причинить такое неосторожное обращение со свежими ранами. Вот только ран... не было.

Подозвав к себе Бурунчи, Бату коротко распорядился:

– Всем, кто так красиво падал с коней, раздашь по золотой монете. Ну и тем, кто за нами гнался, – по серебряной. Остальное твое. – Он хмыкнул и несколько удивленно добавил: – А ты был прав, когда сказал, что монгол при всем старании не может промахнуться. Да и для коня оно поубедительнее. Хорошо, что те, кто целился в уруса, били стрелами с тупыми наконечниками.

Бурунчи молча кивнул, на лету поймал туго набитый мешочек, брошенный ему ханом, взвесил его на руке и довольно осклабился, прислушиваясь к мелодичному позвякиванию монет.

Оставшись один, Бату задумался, рассеянно глядя, как яркие языки пламени жадно пожирают сухой хворост.

– Осталось последнее, – произнес он, размышляя. – И если проклятый шаман снова окажется прав, то к следующей весне у каждого моего воина будет по несколько белых рабынь, они будут лежать в своих юртах не на драном войлоке, а на коврах и шелковых подушках. Каждый, – повторил он.

Предупреждение Бату относительно прибытия новых туменов, которые привели сын Чагатай Хайдар и внук Бури, оказалось кстати. Новоприбывшие заполнили всю бескрайнюю степь, разместившись повсюду, включая пространство непосредственно за Яиком. Их яркие костры особенно хорошо были заметны безлунными ночами. Однако монголы вели себя пристойно, пересечь реку никто из них даже не пытался.

Первую неделю Святозара напрягало такое соседство. Но через десять дней после их появления к нему помимо летучих конных отрядов башкир и половцев подоспели сразу двадцать пеших полков. Окончательно отлегло у него от сердца, когда Бату пригласил князя познакомиться поближе со своими союзниками и устроил по такому случаю большой той.

– Друзья моего брата Бату – мои друзья, – во всю глотку орал пьяный Бури, однако закончил свою речь непонятно: – Когда мы встретимся в бою, то я подарю тебе легкую смерть, потому что ты храбрый воин. А если ты согласишься служить мне, то я сразу дам тебе под начало сотню, а то и тысячу.

Святозар было насторожился, но Бату, оставшись с князем наедине, успокоил его:

– Он пьян. К тому же никто из них не знает, зачем на самом деле прислал их ко мне мой дядя Чагатай. Только тебе могу показать. – Нетвердо ступая, хан повел Святозара в другую

юрту, которая пустовала, кряхтя, опустился на корточки перед красивым деревянным ларцом с хищным драконом на крышке и полез за пазуху.

– Только тебе, – повторил он важно, пьяно тыкая маленьким ключиком в замочное отверстие и постоянно промахиваясь.

Наконец очередная попытка увенчалась успехом, и хан, торжественно открыв ларец, достал из него лист пергамента, туго скрученный в трубку. Он небрежно освободил его из тугих объятий шелковых желтых шнуров, увенчанных тяжелыми висячими печатями, и протянул Святозару.

– Надо ли честь? – осторожно осведомился тот, не разворачивая свиток.

– Если у тебя есть тайна от друга, то либо ты сам – плохой человек, либо друг у тебя только по названию, – высокопарно произнес Бату. – Читай.

Князь пожал плечами, развернул пергамент, некоторое время вглядывался в него, затем с легким разочарованием вернул обратно.

– Прости, хан, эта грамота мне неведома, – несколько смущенно заметил он. – Да я же тебе сказывал, что иноземные письма не разбираю.

– Правда? – изумился Бату. – Я и забыл.

Лгали оба. Святозар, правда, лишь самую малость, поскольку с первой строкой свитка сталкиваться ему уже доводилось. Была она стандартная. Князь впервые увидел ее лет пять назад и поинтересовался у отца, что это за чудные буквы. Константин охотно пояснил, что свиток доставлен ему очередным посольством, которое вернулось ни с чем из ставки великого хана Угедея.

– Пишет мне, будто даннику какому, – мрачно заявил тогда государь. – Видал, с чего начинается, – и отчетливо произнес, указывая пальцем на первую строку, которая была выведена красной киноварью гораздо крупнее, чем последующие строки: – Внимание и повиновение.

– А ты, батюшка? – робко переспросил Святозар.

– А что я – внимаю, как и сказано. Вот только повиновения он от меня навряд ли дождется, – и его мрачное лицо озарилось слабой улыбкой.

Он подмигнул сыну и продолжил:

– С этого великий хан все свои указы начинает. Важничает, собака. Ну-ну, пускай позабавится... пока, – загадочно закончил он.

Святозару почему-то запомнилось начертание этой строки. К тому же чуть позже он еще несколько раз видел подобные грамотки, начинавшиеся с точно таких же слов, так что узнал их сразу.

– Это от моего дяди, великого каана Угедея, да живет он вечно, – пояснил Бату. – Оно не мне, а этим глупцам, которые даже не умеют пить так, как подобает настоящим воинам, – много и не напиваясь. Когда придет время похода на Орду и Шейбани, я покажу им свиток, если кто-то из них заупрямится. Пока же они думают, что их тумены присланы для покорения стран, лежащих на закате солнца.

– А почему ты сразу не объяснишь им, для чего они сюда прибыли? – недоуменно спросил Святозар.

– Что знают трое, о том через три дня будет говорить даже байбак<sup>40</sup> в степи. Тогда я не смогу неожиданно напасть на братьев, – спокойно пояснил хан и тут же поправился: – Хотя нет. То, что я расскажу этим двоим, байбак будет знать уже на следующий день, даже не вылезая из своей норы, потому что их языки длинней, чем их плети.

На самом деле его презрительная усмешка была адресована не двоюродному брату Хайдару и не своему двоюродному племяннику Бури, а человеку, стоящему перед ним,

---

<sup>40</sup> Байбак – суслик (монг.).

потому что и свиток, и текст, красиво вписанный в него грамотеем-уйгуром, были ложью от начала до конца. Подлинными были лишь печати, которые Бату позаимствовал с другого свитка, присланного ему тремя годами ранее.

«Придет время, и ты поймешь, против кого будут направлены все эти тумены, только вот вряд ли тебе доставит удовольствие, потому что знание хорошо лишь тогда, когда приходит вовремя», – насмешливо подумал он.

Вслух же он произнес лишь заключительную часть своей мысли о том, когда хорошо знание.

– Как говорят твои мудрые шаманы, во многая мудрости есть многая печали, а многие познания лишь умножают скорбь, – добавил он и торжествующе улыбнулся, заметив, как удивленно вытянулось лицо собеседника. – Мне очень понравились эти слова, а потому и запомнились. Я ведь и сам склоняюсь к тому, чтобы принять вашу веру, а своего сына Сартака уже давно крестил. Сам понимаешь, от почитания чужих богов вреда быть не может, а потому я решил, чтобы каждый из моих сыновей обзавелся на небе покровителем, который при нужде может влить новые силы в его воинов и помочь ему убить всех своих врагов. Как мыслишь, твой Крестос прислушается к просьбе моего наследника, если он запалит в ваших священных юртах по сотне свечей?

Святозар уклончиво пожал плечами и заметил:

– Кто может знать, кому захотят помогать боги?

– Я могу, – безапелляционно заявил Бату. – Тому, кто сам сделал все, чтобы победить. Боги любят уверенных.

– А ты можешь сказать, что уверен в своих силах?

– Конечно, – хищно улыбнулся Бату и весело добавил: – Ты даже не представляешь, как неожиданно я нападую на своих врагов.

Святозар вспомнил его слова через несколько месяцев, когда Бату неожиданно появился под стенами Оренбурга. Вид у него был совсем не тот. От обветренного злыми степными морозами красноватого лица веяло унынием и печалью. Два десятка нукеров, сопровождавших его, выглядели не лучше.

– Они напали на меня, когда мы были еще в пути, – мрачно произнес он. – Мои люди оказались глупее трусливых зайцев, а про тумены, которые прислал мне Чагатай, я и вовсе не хочу ничего говорить, иначе боюсь захлебнуться злобой пены подобно бешеной собаке. – Он помолчал, затем вполголоса произнес: – Ты можешь отказать мне в гостеприимстве, чтобы гнев моих братьев не обрушился на тебя и твои крепости.

– Русь заключала договор с тобой, а не с твоими братьями, – возразил Святозар. – Плох тот, кто отворачивается от друга, когда ему тяжело. Ты сам всегда называл меня другом, так зачем же ныне обижаешь недоверием?

Бату удовлетворенно кивнул и замолчал. Князь не решался спросить о том, сколько воинов осталось у хана, но тот, не таясь, в тот же вечер откровенно рассказал Святозару, что даже после того, как ему удалось собрать остатки туменов воедино, у него в наличии не будет и десяти тысяч человек.

– У братьев же почти три тумена, – вздохнул Бату. – Не надо быть богом, чтобы предсказать исход следующей битвы. У меня остается лишь надежда на то, что они не станут гнаться за мной до самого Яика. Тогда я дождусь туменов Угедея и моего истинного брата Менгу, старшего сына дяди Тули.

– Даже если пойдут, у Оренбурга крепкие стены. К тому же, – решил не скрывать положение вещей Святозар, – всего в трех днях пути полки воеводы Вячеслава Михайловича.

– Их много? – оживился Бату. – Он сам их ведет? – И, заметив неуверенность князя, с горькой усмешкой успокоил его: – Я сегодня подобен месячному волчонку, которого даже трусливый джейран может убить копытом. Убить, растоптать и даже не заметить.

– У воеводы не меньше двадцати тысяч. Да и сами башкиры, саксины, половцы и прочие – тоже хорошие воины. Своими наскоками они не дадут спокойно осаждать Оренбург. Словом, можешь считать, что ты здесь в полной безопасности.

Бату упрямо мотнул головой:

– Только если сюда не придут тумены моих братьев. Неужели ты думаешь, что я брошу тех, кто даже после моего поражения не оставил поверженного хана? Если так, то я ошибался в тебе.

– Я мог бы разрешить твоим людям перейти реку, но зимой в степи голодно, а крепость сможет вместить от силы тысячу человек, – задумчиво произнес князь. – Чем же я тебе подсоблю?

– Чем? – усмехнулся Бату. – Если ты и вправду хочешь помочь мне, как своему другу, я могу сказать – чем, но проку от этого не будет. Ты все равно не согласишься, так что я лучше промолчу. Я пока надеюсь на лучшее. Как знать, может, твоя помощь и не понадобится.

Однако все надежды хана улетучились уже на пятый день пребывания Бату в Оренбурге. Очередной гонец из степи сообщил, что Орду и Шейбани уже в трех дневных переходах от Яика и твердо намерены до конца разбить своего ретивого брата.

Тогда-то хан и взмолился, чтобы Святозар дал ему свои тумены, без которых ему не отбиться.

– Мой отец и государь всея Руси Константин Владимирович строго-настрого воспретил мне соваться за реку. Да и в нашем с тобой мирном уговоре сказано то же самое.

– Но ты же не раз гостил в моей юрте, – возразил Бату.

– Это совсем иное дело, – ответил Святозар. – Я был без оружия и без воинов и шел с миром. Ты требуешь невозможного.

Долгие уговоры так ни к чему и не привели. Князь стойко стоял на своем, не собираясь отступать от царских повелений. Наконец Бату сдался и весь остаток вечера угрюмо молчал, вливая в себя одну чашу вина за другой.

Святозар тоже помалкивал, продолжая ломать голову над тем, как помочь хану и в то же время не нарушить сурового отцовского запрета. Он крутил и так и эдак, но ничего не получалось.

Князь продолжал размышлять и на следующий день, но идею высказал Бату, уже собравшийся уезжать к своему побитому войску.

– Я знаю, как ты можешь помочь и в то же время не нарушить запрета своего отца. В этом я вижу выгоду и для тебя самого, – многозначительно подчеркнул он.

– Если это и впрямь так, то я готов, – горячо заверил его Святозар, испытывая невольное чувство облегчения.

Наконец-то все разрешится ко всеобщему удовольствию и он перестанет терзаться подспудным чувством вины перед человеком, который однажды подарил ему жизнь, освободив из плена, а другой раз спас от смерти, уведя погоню за собой.

– Твой отец – хороший воин, – издалека начал Бату. – Я знаю, что вначале у него был маленький улус, много сильных врагов, но он одолел их всех и сумел встать во главе всей Руси. Потому я и заключил с ним мир. С сильным, если он еще и честный, лучше дружить, а не враждовать. Ты – достойный сын своего отца. Жаль, что он этого не знает. А не знает потому, что ты ни разу не показал себя в деле. Одолеть врагов в малой стычке может любой хороший воин, но в большой битве – лишь человек, который не только силен телом, но и умен. Я предлагаю тебе большую битву. Вместе с тобой мы одолеем моих братьев, отчего мир между нами упрочится, а твой отец поймет, что ошибался, ибо не всегда жеребенок, родившийся у кобылы первым, оказывается самым резвым. Мне кажется, он непременно задумается, тому ли сыну он завещал свой огромный улус.

– Ты уже говорил об этом вчера, – перебил его Святозар. – Но я все равно не могу повелеть полкам перейти Яик.

– А его и не надо переходить, – вкрадчиво произнес Бату. – Я начну битву, но скоро стану отступать, и мои воины сами перейдут к вам, будто спасаясь от гибели. Орду и Шейбани непременно ринутся следом. Они не подписывали с Русью мир, так что удержать их не сможет ничто. Дай им время прочно встать на вашем берегу, а потом встречай своими полками. Возбужденные азартом грядущей победы, они обязательно ринутся на тебя. Будет бой. Ты говорил, что твоих воинов никто не мог одолеть, даже когда они пеши, а враг на конях, не так ли?

– Говорил, и могу повторить, – утвердительно кивнул князь.

– У Орду и Шейбани хорошие воины. Стойкий враг их только возбуждает. Они не отступятся, а будут вгрызаться в твоих людей с отчаянием лисы, защищающей своих детенышей. Тебе надо выдержать всего один час. Пусть они как следует увязнут. А я тем временем незаметно обойду их и ударю в спину. Моих людей мало для битвы, но для этого удара их хватит. И тогда мы возьмем их в клещи. Ты одержишь победу, а я порву договор с Русью, но только для того, чтобы подписать новый. Уже не на три года и не на пять, а вечный, ибо благодарность за то, что русичи помогли вернуть мой улус, навсегда сохранится в моем сердце. А теперь подумай над моими словами.

Святозар задумался. Он чувствовал, что не имеет права принять такое серьезное решение, но ведь и впрямь получалось, что выгода от этого плана будет огромная, причем не одна, а сразу несколько.

Во-первых, он на деле покажет Бату мощь и несокрушимую силу русского войска. Во-вторых, после того как хан победит, он и впрямь станет испытывать благодарность за эту неоценимую помощь.

В-третьих, к хану перейдут все воины его братьев, и не лучше ли побить как можно большее их количество, пока они выступают в роли врагов. Тогда, даже если Бату захочет напасть на Русь, то все равно ему будет не с кем это сделать. Нужно выждать время, пока подрастет новое поколение, а отец сам говорил, что осталось выдержать каких-то три, от силы пять лет.

В-четвертых, Святозару вспомнилась бурная радость государя после подписания мирного договора и огромная благодарность, которую он испытывал к сыну. Если сейчас все получится так, как говорит хан, то отчего же еще раз не порадовать отца. И тогда, может, он и впрямь задумается...

«Стоп! А вот об этом думать не стоит. Никогда! – сам себя оборвал Святозар. – Я люблю своего брата, всех своих сыновцев<sup>41</sup>, включая первенца Николая, я очень доволен своим отцом и всем прочим, включая свое нынешнее положение. К тому же совсем скоро, уже следующим летом, я вернусь на Русь, где меня ждет Милена, и тогда у нас будет не одна долгая ночь любви, а много. Она любит меня, и я хочу приехать к ней победителем. Здорово, когда любимая тобой гордится!»

И он согласился.

Остаток вечера ушел на разработку деталей.

Несколько тревожило князя лишь то, что он не имел никакого права объявлять войну, о чем откровенно поведал Бату, но хан и тут нашел нужные слова:

– Разве ты повелишь войску перейти рубежи? Нет, ты их будешь только защищать. А что до войны... – Хан тяжело вздохнул и мрачно произнес: – Они сами объявили войну Руси. Я не хотел пускать стрелу боли в твое храброе сердце, но людей, которых твой отец

---

<sup>41</sup> Сыновец – племянник (ст.-слав.). Иногда для конкретизации говорили братанич (сын брата) или сестринич (сын сестры).

прислал в Сыгнал, больше нет. Когда братья захватили мой город, они учинили большую резню, в которой погибли все твои послы. Скорбная весть об этом долетела до моих ушей всего неделю назад.

– Но как же так? – растерянно спросил Святозар. – Разве у вас не принято даровать послам неприкосновенность?

– Возможно, они не знали, что это послы, – пожал плечами Бату. – Кто ведает, что было на самом деле. Прости, брат, что я не смог их увезти. Нападение было таким неожиданным, что я и сам еле успел уйти в степь с сотней нукеров.

– Ну что ж, тогда им придется ответить и за это, – твердо произнес князь.

## Глава 6 Бой

*Если прочь отступил пощадивший враг  
Или честно сражается грудь на грудь —  
Не смешите меня! Не бывало  
Чтобы враг отказался ножик в спину воткнуть.*

*Мария Семенова*

У князя не было проблем с тем, чтобы убедить в правильности своего решения ростовчанина Лисуню, возглавлявшего всю эту двадцатитысячную армию. Дело в том, что силы, выдвинутые к границе на время учений, в случае внезапного нападения со стороны соседей немедленно поступали в распоряжение начальника пограничной охраны восточных рубежей, то есть его, Святозара. Именно ему, хорошо знающему всю обстановку, а также особенности местности, доверялось право ставить задачи старшему воеводе Лисуне.

Ростовчанин не полностью терял права главнокомандующего. Правильнее сказать, они лишь несколько урезались, то есть за Лисуней во всех случаях оставалось не только право совещательного голоса. Он мог прийти к выводу, что решать эту задачу лучше не так, как говорит князь, а иначе, но – выполнить ее все равно был обязан.

Однако на сей раз седой грузный воевода посчитал, что Святозар все рассчитал правильно. Более того, проехав по предстоящему полю боя, внимательно осмотрев овраги, охранявшие фланги, и даже не поленившись взобраться на холм, с которого предполагалось наблюдать за сражением, он удостоил князя похвалы.

– Думаю, что даже наш главный воевода Вячеслав Михайлович лучшего места не подобрал бы, – солидно заметил он, неспешно поглаживая свои пышные, наполовину седые усы.

Юный племянник Святозара Николай Святославич, присутствующий при этом разговоре, лишь завистливо покосился на своего дядьку. А завидовать и впрямь было чему. На сколько лет тот старше? Да всего-то на семь-восемь, а уже командует ратями, выбирает места для битвы.

Он же, Николай, дожив до цельных семнадцати годков, так ничем и не успел отличиться, а потягаться со своим стрьем<sup>42</sup> мог разве что по количеству собственных детей. Святозар только-только получил разрешение на брак в награду за подписанный с ханом мир, а вот самого Николая женили совсем юнцом, аж два года назад.

В невесты ему подобрали дочку польского князя Конрада I Мазовецкого. Девушка была на три года старше самого Николая, и не прошло и года, как она подарила юному супругу сына, которого называли Константином, а теперь, по слухам, вроде бы вновь ходила на сносях.

Однако творить подвиги в постели, стругая царских наследников, – дело нехитрое, а вот опробовать себя в жарких схватках и сечах – совсем иное. Тут Николаю похвастаться было нечем. Уж больно берегли его согласно царскому повелению. Как-никак, случись что со Святославом – ему садиться на великий трон в Рязани, ему править всей могучей державой, раскинувшейся с юга на север от моря до моря и с запада на восток от гор до гор.

Потому Николай и завидовал своему стрью, потому так горячо и поддержал его с самых первых минут, едва услышав разговор о предстоящем сражении.

«Уж тут-то и мне не откажут, дадут возможность скрестить сабельку с басурманами», – мечтал он.

Однако все вышло несколько иначе.

---

<sup>42</sup> Стрый – так у славян того времени именовался брат отца. Брат матери для племянников был уй.

Поначалу Святозар принял решение лично возглавить полки для отражения монгольского удара. С большим трудом Бату сумел уговорить князя не делать этого. Решающую роль сыграло то обстоятельство, что и его отец, царь и великий князь всея Руси Константин I никогда не принимал личного участия в крупных сражениях.

– Дело мудрого полководца – следить за всем издали, чтобы иметь возможность вовремя послать подкрепление туда, где твоим воинам приходится особенно тяжело, – убеждал хан. – Меня никто не отважится назвать трусом, однако я уже лет пять, а то и семь не бился в одном ряду со своими воинами.

Но Святозар и тут еще колебался. Главную роль в его отказе сыграл именно Николай. Получалось и в самом деле несправедливо, если он примет участие в битве, а его племянник – нет.

О том же, чтобы разрешить драться и Николаю, не могло быть и речи. В секретной грамотке от государя, которую имел при себе Лисуня, и вовсе говорилось, чтобы в случае каких-либо боевых действий, если таковые приключатся, старший внук был незамедлительно отправлен обратно в Рязань.

Если же возникнет опасность того, что княжича могут по пути перехватить враги, то надлежит его оставить в Оренбурге, но держать со всяческим бережением, не допуская ни к битвам, ни даже к легким стычкам.

Святозар и так уговорил Лисуню дать согласие на то, чтобы оставить Николая при войске. Как знать, вдруг не все силы Шейбани и Орду стоят впереди. А если одна или две тысячи бродят где-нибудь по степи – что тогда? Надежнее оставить парня подле себя. Опять же, почти рядом, всего в десятке верст – Оренбург, где можно будет укрыться.

На самом же деле ему просто стало жаль племянника. Сам ведь таким был всего семь-восемь лет назад. Да и берегли его хоть и не столь сурово, но близко к тому. Пусть не наследник престола, как Святослав, но ведь сын Константина. Случись что – такую вину, хоть всю руду пролей, государь не простит.

Прекрасно понимая весь этот нехитрый обман, старый Лисуня тем не менее дал согласие на то, чтобы оставить княжича. А чтобы у того не было ни единого довода в пользу своего непосредственного участия в битве, Святозар и сам скрепя сердце отказался от участия в битве, назидательно приведя в пример Николаю те доводы, которыми его накануне потчевал Бату.

И вот теперь они все трое стояли на вершине небольшого холма, наблюдая за тем, что творится внизу. Стояли не одни – рядом находилась сотня дружинников и тысяча ханских телохранителей вместе с самим Бату.

Основные снега еще не выпали, и белый покров, закрывавший подмерзшую землю, напоминал старое ветхое одеяло с дырами, сквозь которые чернели темные бугорки и кочки. Мороз был ощутимый, но тоже из разряда терпимых. Впрочем, его было вполне достаточно для того, чтобы лед на Яике оказался надежным мостом для копыт монгольских коней.

Орду и Шейбани во главе своих туменов форсировали реку еще два дня назад. Поначалу они выслали к Святозару послов и потребовали объяснений. Держались послы кичливо, можно сказать, нагло. Даже в разговоре с князем они так надменно цедили слова, будто каждый из них имел должность не ниже темника. Требования же их были просто абсурдны. Однако князь держался спокойно, выдать Бату со всеми его людьми он отказался наотрез, да и на все остальное так же решительно отвечал «нет».

– Я вижу, ты не хочешь мира с могущественными ханами, – напоследок заявил пожилой монгол с багровым шрамом, шедшим от низа правого уха до уголка рта. – Тогда готовься к тому, что завтра тебя бросят на землю перед конями великого Орду-хана и могучего Шейбани-хана, ибо их тумены непобедимы и не твоим светловолосым воинам дано удержать их сабли.

«Ишь, какой глазастый, – невольно восхитился Святозар. – И когда только успел углядеть цвет волос?»

Русские полки, присланные на всякий случай поближе к Яику, на самом деле было трудно назвать русскими в полном смысле этого слова. Двенадцать из двадцати прибыли в степь с западных окраин Руси. Леты, ливы, куроны, семигалы, эсты – кого только не было в тех рядах.

Одних только литвинов, ведомых Миндовгом, Житобудом и еще двумя вождями, насчитывалось три тысячи человек. Правда, чуть ли не половину из них воинами назвать можно было лишь с огромной натяжкой. Кто-то и вовсе чуть ли не впервые в жизни взял в руки копье и меч, а для кого-то такого рода учения были всего вторыми или третьими.

Разумеется, хватало и опытных бойцов, включая ветеранов, с которыми тот же Миндовг, ныне осуществлявший общее руководство всем трехтысячным корпусом, опрокинул рыцарей-крестоносцев в холодные воды Балтики.

В русских полках, пришедших преимущественно с бывшей Владимиро-Суздальской Руси, картина была примерно такая же. На каждого новичка приходилось по одному ветерану.

Разумеется, если бы великий воевода, как теперь официально звучал титул главнокомандующего, знал, что полкам предстоит сражение, то он заменил бы молодежь. Летом, когда тумыны хана Бату густо усыпали междуречье между Яиком и Тоболом, Вячеслав Михайлович прислал сюда только бывалых воинов.

Не больно-то он верил монголам, да и самому Бату тоже. Однако все объяснения хана о том, что он собирает воинов вовсе не для битвы с Русью, и впрямь оказались правдивы. Именно это обстоятельство и утяжелило ту чашу весов, на которой лежало доверие Вячеслава к опасному соседу. Ненамного, поскольку полки зимой все равно прибыли в эти места, но достаточно, чтобы рассчитывать на продолжение мирных отношений.

Конницы было всего две тысячи – сплошная молодежь. Для учений, для имитации нападения всадников на пеший строй одной-двух тысяч башкирских всадников вполне хватало, а теперь было поздно собирать их со всех стойбищ, раскиданных там и сям по степи.

Впрочем, двадцать полков сами по себе представляли могучую силу. Степные просторы – раздолье для конницы, но князь хорошо изучил окрестности вблизи Оренбурга и потому безошибочно выбрал самое подходящее для предстоящего сражения место.

Участок, на котором выстроились полки, был ограничен с флангов глубокими оврагами, стены которых за сутки удалось сделать почти отвесными, так что внезапный удар сбоку исключался.

Тем не менее, памятуя мудрые слова воеводы Вячеслава Михайловича о том, что любая битва похожа на человеческую жизнь со всеми ее неожиданностями, Святозар решил оставить при себе две тысячи конных в качестве резерва. Поначалу хотел башкир, но Бату убедил князя, что это неразумно.

– Кому как не монголу лучше всего знать повадки такого же монгола? И потом лучше, если нас с тобой станут защищать мои воины, которые готовы драться за своего хана и его друга не щадя жизни, зная, что если убьют нас, то погибнут и они. К тому же им просто некуда бежать. Поверь, что воин от этого яростнее сражается. И еще одно. Я же вижу, как твои кыпчаки – Бату называл башкир, саскин, половцев и прочих только этим словом – жаждут скрестить сабли с туменами врагов. Поэтому там они будут гораздо полезнее.

Словом, убедил.

Так что всех башкир Святозар придал той части единственного тумена Бату, который двое суток назад ушел в глубокий охват, чтобы в нужный момент ударить в спину атакующим. Доверие князя к хану к этому времени уже настолько возросло, что он позволил еще двум тысячам его воинов войти в сам Оренбург, стены которого высились в десятке верст

от места предстоящей битвы. Предполагалось, что из него тоже в свое время по условному сигналу – выстрелу из пушек – последует удар в спину туменов Орду и Шейбани.

Казалось, что удалось предусмотреть все, и начало сражения вроде бы лишь подтвердило надежду князя на то, что бой должен пройти так, как и планировалось.

Удар монгольской конницы был силен. Навряд ли нашлась бы в Европе ратная сила, которая сумела бы повернуть вспять этот неудержимый натиск. Разве что остановить, да и то на какие-то считанные часы, но уж никак не больше.

А вот войско царя Руси держалось крепко, даже не помышляя об отступлении. И это притом, что лишь половина имела боевой опыт. Впрочем, новичкам достались места в задних рядах. Однако сдержать напор атакующих вполне смогли и одни ветераны.

Монгольские копья и сабли никак не могли пробить русские щиты, и атакующий порыв постепенно начинал стихать, увязнув в непробиваемой стене. Пусть из нее время от времени и выпадали отдельные кирпичики-воины, но в целом на ее оборонительную мощь это никак не влияло. Заслон оставался крепким.

– Думаю, что уже пора, – произнес Бату и кивнул кому-то сзади.

Святозар машинально оглянулся и удивился. Рядом с ханом гарцевал на своем коне темник Бурунчи. Тот самый Бурунчи, который должен был вместе с остальными ханскими воинами идти в обход для нанесения удара с тыла.

«Наверное, Бату все-таки его оставил и послал кого-то другого», – предположил Святозар.

А больше он ничего додумать не успел, потому что в тот же момент кто-то ударил его по голове чем-то тяжелым, и дальнейшее князь увидеть уже не смог. Может, это было даже и хорошо, потому что дальше началось такое, что Святозару не приснилось бы даже в самых жутких ночных кошмарах.

Первым делом это коснулось той сотни, которая была рядом со своим князем. Не прошло и двух-трех минут, как вся она была вырезана. Одновременно с этим в воздух полетели горящие стрелы, черным дымом возвещающие, что пора бить в спину. Вот только это была спина русских ратников, а не монгольских воинов.

Шеститысячный отряд, посланный в обход, ночью на привале полностью вырезал башкир, что ему обошлось всего в сотню погибших, и скрытно повернул обратно. Утром накануне битвы они некоторое время выжидали в низинке, находясь в трех верстах от холма, с которого наблюдали за сражением Бату и Святозар, затем, получив тайный сигнал, стали неторопливо выдвигаться поближе, соединяясь с тысячами, оставшимися при хане.

Бурунчи, появившись подле, одним своим присутствием дал Бату понять, что все готово. Для того чтобы вырезать сотню Святозара, не ожидавшую нападения, хватило пяти-сот его воинов. Все прочие тут же метнулись дальше, нанося страшный удар по последним рядам пешего строя. Он был неотразимым не только из-за своей неожиданности. Даже если бы атака была в лоб, новобранцы все равно не сумели бы ее отбить. Просто в этом случае разгром задержался бы на какое-то время, хотя навряд ли – долгое.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.